

Повесть в рассказах

*Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт
И грустную песню заводит,
Про Родину что-то поёт.*

Русская народная песня

И стали они жить – доживать...

Перефраз из русской сказки

1. Просто дворник умер...

Случилась это в самом начале очередного календарного года, сразу после рождественских каникул. Где-то в китайском Ухане, наверное, спал ещё крепким сном зародыш самого первого вируса с короной, и всё было спокойно и в мире, и в информационном пространстве.

Как обычно после Рождества Христова и вплоть до Крещения наступало некоторое, не то, чтобы безвременье, скорее даже наоборот, какое-то всеобщее ленивое заторможенное пробуждение: люди только-только начинали оживать после праздников, понемногу появлялись на пустынных улицах, впрочем, с некоторой неохотой, и то, лишь потому что пора было – хочешь ты того или нет – выходить на работу после длинных выходных...

Что-то с утра Серёгу Ерёмина тревожило. Беспокоило изнутри, будто простуда какая-то, ещё не совсем явная, но уже начинающая проявляться некими неприятными свербящими ощущениями и в горле, и в носу. Не так чтобы сильно тревожило, но с удручающим назойливым постоянством... Что это такое было, он и сам вряд ли смог бы объяснить, даже себе, но не покидало его чувство, что в мире, вокруг него – что-то не так, что-то изменилось. Что именно?..

«Найди три отличия», – съязвил Серёга исключительно в свой собственный адрес, лениво выскребая бритвой заросшие после затянувшихся праздников рыжеватой щетиной скулы. И, как бы продолжая внутренне подтрунивать над собой, скептически ухмыльнулся и пафосно изрёк: «Смотри – да и увидишь!»

Ещё раз усмехнулся, глядя в зеркало: «Ну и рожа у тебя с утра, Шарапов! – Вспомнил он расхожую фразу из известного фильма. – И это на второй-то день рабочей недели...»

В целом, это утро началось для Серёги обыкновенно, с чашки кофе и с сигареты. Да ещё с мерного, занудливого поскрябывания за окном. Жена ещё спала, а он уже собирался на работу и слушал. Скряб, скряб... – Господи, противно-то то как!

Серёга отчётливо представил, как дворничиха лопатой с крыльца соседнего магазина счищает снег. И конечно же, опять кидает его под Серёгины окна. Только вчера смотрел он на этот сугроб озадачено, затылок скрёб, скоро сугроб уже до окна вырастет, и ругался ведь накануне с ней, с дворничихой этой, по-человечески объяснял, нельзя так... Ведь по логике вещей потом ему, Серёге, придётся этот сугроб из-под окна обратно на тротуар разбрасывать...

Всё понимает дворничиха, головой кивает молча, как в том анекдоте... Но как говорится, вчера это вчера, а сегодня с утра опять весь снег – Серёге под окошко. Упёртая баба, ни уронить, ни подвинуть.

Хотя, задуматься если, а куда ей ещё снег кидать, не на автобусную же остановку, которая напротив его, Серёгиных окон. Снега нынче вон сколько понавалило...

Магазин этот у Серёги прямо за стеной расположен. С одной стороны – удобно, за хлебом далеко ходить не нужно, вышел из подъезда, обошёл дом, и прикупил всю самую необходимую мелочёвку.

С другой, под вечер приходит каждый день к магазину машина с продуктами – и всё бы ничего, но как только кеги пивные разгружать начинают, слышит Серёга – бух, бух! – это грузчик прямо из кузова на тротуар кеги сбрасывает, и каждое бух – будто ему, Серёге по голове. Не поленился бы парень-грузчик, да подложил хотя бы пару плах как сходень из кузова на тротуар, и скатывай себе спокойно по доскам те кеги, всё не так шумно. Только, куда, там!.. Кидает и кидает, ему так быстрее и проще.

Сразу после того, как он кеги разгрузит, местные алкаши в магазин за пивом начинают подтягиваться. Ладно, если кто за первой полторашкой. А если за второй, за третьей... – разборки опять же всякие начинаются пьяные... И всё это прямо у Серёги под окнами. По-честному, просто надоело!

Раньше как-то спокойнее было. Это теперь магазин сделали, а раньше квартира как квартира за стенкой была, жила в ней женщина с двумя сыновьями-погодками – Сашкой да Пашкой. Бывшие кореша Серёгины.

Почему бывшие? Да потому как повзрослели они, выучились – Сашка на инженера, Пашка на сварщика – да разъехались. Сашка в Томске остался, там университет оканчивал, работает теперь инженером на каком-то крупном заводе. А Пашка с бригадой сварным куда-то в Горный Алтай всё мотался – калымил. Да и подженился там, а чуть позже и вовсе с концами осел.

В последнее время, как мать у братьев умерла, они её схоронили, квартиру отремонтировали, выход с крыльцом на центральную улицу оборудовали – и то подумать, что за магазин с выходом во двор!.. – перевели квартиру официально из жилого фонда в нежилой, да и продали. Теперь продуктовый магазин там.

А Серёгу с братьями-корешами-соседями раскидало по жизни, теперь и не встречаются даже.

На работу утром не очень хочется, да и холодно. Но, что делать, время зимнее, хоть и январь, но световой день ещё короток, хочешь – не хочешь, собирайся – иди.

Всё привычно, как по графику: побрился, умылся, оделся... А там и жена поднялась, тоже собираться начала. Ворчит с утра. Не то чтобы очень, так, слегка. Видать, тоже не выспалась.

Ровно в семь Серёга из дома выходит.

– Счастливо. – Это жене.

– Пока, пока...

Всё у Серёги с утра выверено, пока автобуса на остановке дождёшься, пока доедешь до работы, глядишь – без пятнадцати восемь, хотя всё равно темно, январь.

По темну уходит Серёга, по темну возвращается, смеркается нынче тоже рано. Вот и получается, что практически весь световой день у него на работе проходит.

А работает он в газете городской, корреспондентом. Пишет статьи какие-то, заметки, интервью, и всякую прочую лабудень. Газета, вроде и городская – не какая-нибудь заводская многотиражка! – но всё равно никакого творчества, сплошная информация.

Серёга хоть и давно в газете, никак понять не может, какая человеку польза с той информации. Но ведь в основной своей массе, люди с интересом читают про то, что где-то кого-то убили, кто сколько украл... опять же достижения, успехи «наши» – читай чьи-то ихние... а ведь если вдуматься, всё одно и то же – то да потому, словно в той детской скороговорке «у попа была собака, он её любил, она съела кусок мяса он её убил...»

Однако со временем пообвыкся Серёга, успокоился. Ведь, коли нужно кому-то, людям – читателям ли, начальству ли городскому – чтобы эту информацию «кушали», а

кушать её кому-то (начальству, к примеру) для самоутверждения необходимо, что всё у нас куда надо движется, а кому-то (народу) просто по привычке уже, чтобы какой-то событийностью унылость жизни заполнить, – то пусть оно всё так и идёт, как идёт. Да и в конце концов, ведь именно за эту писанину ему ещё и зарплату платят, хоть и небольшую, но исправно. Чего не писать! Строчка к строчке, копейка к копейке. Хотя какие нынче копейки – сплошные рубли, правда толку с того мало, всё равно их до очередной зарплате не хватает...

Это раньше по молодости думал Серёга, что полезное что-то делает, мол, что-то от его писанины вокруг изменится. Наивно, конечно. Но это он теперь понимает... Иногда бывает, нахлынет это «теперь», буквально за горло хватается и давит. Однако, переморщится, переберется Серёга внутри, спросит себя: «А что ты можешь другого людям предложить?»

Вопрос риторический, потому как предложить нечего. Так уж всё в мире устроено испокон веков, стоит ли менять? Разрушить-то – разрушишь, а вот новое построить... Многие и до него пробовали – увы и ах!..

Сегодня, как обычно, Серёга на остановку вышел, и снова снег. Густой, валит и валит. Вроде и хлопьями, но плотный. Скрипит под ногами. Идешь, а ноги то вязнут, то разъезжаются. Некомфортно как-то становится от такой ходьбы.

Пока Серёга до остановки шёл, понял, чего так с утра в душе свербело. Снега сверху считай уже сантиметров пятнадцать присыпало, на вчерашний притоптанный, а на остановке до сих пор не чищено. Обычно утром как Серёга на остановку выходил, там дворник – чернявый такой, молчаливый, – уже снег всюду убирает. Скребок широким счищает дорожками в кучи и скидывал в сторонку за магазин. А рядом с остановкой у него с осени кучка песка припасена, чтобы лёд присыпать, местами, где совсем скользко.

Но сегодня дворника нет. Вчера ещё, когда Серёга с работы возвращался, соседа у подъезда встретил. Молодой такой парень, странноватый слегка, но простовато-добродушный и, не в обиду ему сказано, даже излишне услужливый по-добрососедски. Не потому чтобы человеку угодить хочет непременно, а опять же по простоте душевной. Словом, из тех, для кого изначально – «человек человеку друг». Хотя по комплекции, попробуй-ка задень такого «друга», ответит – мало не покажется.

Про него, про соседа этого, почему-то Серёга до сих пор никак понять не может, кто он, что за человек, работает где нет ли?.. Вроде парень здоровый с виду, можно сказать спортивный, а когда бы ты ни шёл, всё он у подъезда торчит. Когда курит, когда просто так тебе улыбается, но всегда здороваётся...

Года два, как парень этот со своей матерью в подъезд Серёгин переехали – бывает даже они с Серёгой по-соседски и словом-другим перебросятся невзначай – а вот как зовут-величают его, Серёга до сих пор не знает. Хотя, если задуматься, а надо ли это «звучит», ну поздороваются, ну словом перебросятся, – и парня, и Серёгу это вполне устраивает.

Здороваётся сосед своеобразно, как-то на украинский манер:

– Здоровэньки!

Так и хочется ответить ему что-то юморное, вроде: «Здрахуйте, здрахуйте», – но промолчит Серёга, кивнёт головой по-соседски, и всё. Не настолько они с соседом приятели, чтоб шутки шутить.

– А, слышал, дворник тут у нас умер! – Взволновано, с неподдельным сопереживанием выдал сосед, однако где-то подсознательно почувствовал всё же Серёга в его голосе преобладающее желание первым сообщить соседу эту новость. – Прямо на остановке... сегодня снег грёб... и умер... Уже и скорая приезжала, и полиция...

Выдавая Серёге информацию, парень частил с придыханием, точно всхлипывал, даже немного захлёбываясь от переполнявшего усердия:

– В-вроде, ска-азали сердечный приступ... – На слове «приступ» особое ударение сделал, как бы подчёркивая значимость события.

Серёга несколько вяло, равнодушно пожал плечами, устал он на работе от новостей настолько, что и не до них ему сейчас. Однако всё же остановился с услужливым соседом. Тоже прикурил. А то обидишь невзначай человека...

Молча подымили. Но соседа, видимо, сильно подрывало излить полностью все переживания:

– Вот, такие дела, вот... – Явно напрашивался он на продолжение разговора.

Но Серёге включаться в разговор совсем не хотелось, да и что тут особо скажешь, он на работе по несколько десятков таких новостей за день проглатывает: умер, убили, потерпел крушение...

– Бывает... – Только и сумел выдохнуть через силу, да и то, потому лишь, что сказать что-то по ситуации было необходимо.

– Да, живёшь так вот, живёшь... – Парень принял растерянный Серёгин тон, как желание поговорить, видимо, многое ещё собирался сказать из того, что обычно в таких случаях принято.

Но Серёга снова устало равнодушно посмотрел на него, как бы давая понять, что разговор на сегодня окончен. А про себя невольно отметил: спроси такого: «Как живёшь?», – пожалеешь: расскажет всё как есть, и придётся невольно всю его жизнь с самого рождения выслушивать.

Серёга, в ответ соседу только кивнул согласно и медленно, не прощаясь, пошёл домой.

Всё это вчера у него в голове даже не отложилось, не успело что ли, а сегодня вспомнилось вдруг. «Вот тебе и три отличия», – усмехнулся с горечью.

Дворник, тот, что на остановке мёл, в отличие от дворничихи из магазина, которая Серёге под окна снег скидывала, был исправный и трудолюбивый, хотя тоже молчал в основном. Звали его, кажется, Степаныч.

Лично Серёга с ним знаком не был, но видел его каждое утро, сначала в окно – дворник с остановки с дворничихой из магазина утренний перекур прямо под его окнами устраивали, тот самый с которого любая работа начинается, потом – на остановке ещё раз видел, это уже когда из дома выходил. А однажды услышал, как один из местных алкашей окликнул там дворника:

– Степаныч! Растудыт твою тудыт... Сигаретку дай, что ли!..

Дворник посмотрел на бузотёра, недовольно, чего, мол, от дела отвлекаешь. Но сигаретку протянул:

– На – травись сердешный. И чего ты, Колька, опять с утра «пуршишь»? Семи нет, а ты уже на взводе! Или со вчерашнего ище-ё не отошёл?

– Со вчерашнего, Степаныч, со вчерашнего... Глазастый ты наш! – Уже веселее заговорил собеседник. – Чебуречная ещё не открылась, надо бы к Зинке-шкурке забежать, пусть полстакана нальёт. У неё самогонка всегда есть... Дай десятку! Вечером отдам...

– Де-сят-ку... Прямо сейчас! Иди уже, буза, не мешай работать.

– Не дашь!?

– Сказал, иди.

– Жадный ты, Степаныч.

– Верно, бережливый. – Согласился дворник. – Если каждому давать...

Сколько Серёга Степаныча помнил, тот всегда добросовестно и монотонно, с каким-то бетонным безучастием ко всему окружающему делал свою работу: сгребал в кучи в зависимости от сезона – то снег, то листья, то просто мусор подметал.

Большинство людей, ещё только едва проснувшись, спешили мимо него на работу, а он уже всю очищал свою территорию, и совсем не смотрел на них. Чего смотреть, спешат они и спешат, в конце концов, у каждого из нас в этом мире свои земные дороги...

Вот он чистит себе и чистит – тротуар, остановку эту... И будет чистить, пока листья падают, пока люди мусор кидают, пока снег с небес будет валить. Нагребёт с утра большую кучу снега, а к полудню, пока на обед домой сходит, прибегут пацаны со школы, станут баловаться, с забора в снег прыгать, да всю эту кучу снежную опять по округе растащат. Придёт он с обеда – опять сгрести надо...

Пацаны из-за угла дома выглядывают, подойти боятся, но любопытно, как он на их шалость отреагирует. Чего тут сделаешь? Нахмурит лицо построже, пригрозит им лопатой... Да снова гребёт.

На каждый Серёгин шаг снег отзывается звонким похрустыванием, вязкий и одновременно сыпуче-скрипучий, будто крахмал. Из-за этого шагать по нему крайне неудобно, тем более под снегом иногда предательски обнажаются заледенелые полосы раскатанного вчера прохожими льда. Запросто можно поскользнуться и с размаху завалиться на бок или... на пятую точку. Поэтому наступал Серёга осторожно, приходилось постоянно смотреть под ноги.

А когда поднял голову, заметил фонарь, горевший прямо над остановкой. Вдоль трамвайной линии тянулся ещё ряд фонарей: продолговатые узкие светильники, неоновые лампы – строем стояли эти фонари, точно солдатики. А тот, что на остановке, чуть в стороне, одинокий, круглый, отбрасывал свет, создавал вокруг светильника немного вытянутую овальную, хрупкую световую сферу. Внутри сферы особенно чётко было заметно со стороны, как залетают в неё откуда-то сверху снежинки, медленно обозначают там искрящиеся тонкие дорожки, точно восходящие вверх, пролетают и исчезают снова в темноте вокруг сферы. И, может быть, именно теперь по ним, по этим нитям-тропинкам уходит сейчас к небу душа безмолвного Степаныча...

То, что трудяга-дворник непременно попадёт туда – в рай, Серёга даже не сомневался. Вот не стало его – и что? Сразу в мире уюта поубавилось, как-то некомфортно, и не только он, Серёга, на себе это ощущает, но и все эти люди, идущие сегодня после с утра на работу. Кто-то поскользнётся и упадёт, кто-то просто чертыхнётся и устоит на ногах... Все, наверное, Степаныча вспоминают. А пока мёл он, его и не замечали, ну есть он и есть. Не до него людям с утра как-то.

Конечно, со временем найдут на это место нового дворника, и будет он мести снег, листья, мусор, только сможет ли он в полной мере заменить Степаныча? Наверное, хотя не факт.

Пока Серёга до работы в трамвае ехал, в окно глядел, там ещё ничего толком не видно – улицы полутёмные, да огоньки окон промелькивают, реклама уличная и фонари. Невольно мысли в голову разные лезут. Скажем, вот новопреставленный Степаныч, в раю, – что он там делать станет?

Надо сказать, вопрос о том, как всё в раю устроено, давно Серёгу, не то, чтобы тревожил, но задумывался он об этом часто. Нет, он не надеялся туда попасть – как говорится, рад бы, да грехи не пускают, – но всё равно интересно же.

Ведь если представить, райский сад с яблонями, с цветами, с травой, с птицами, обязательно должны быть там дорожки, чтобы люди по ним прогуливались, скамеечки должны быть, чтобы посидеть на них, книжку почитать. И дорожки эти явно не асфальтом закатанные, а, видимо, скорее всего, посыпаны они аккуратно крупным речным песком, убранные, чистые. Но ведь сама собой из ничего чистота не возникает – физику он в школе учил, знает, для этого должно быть затрачено некоторое количество энергии, работа должна быть совершена...

«Работа... Будь она неладна!» – это Серёге уже о своём вспомнилось.

Чертыхнулся не к мыслям, и опять к думам о праведном трамвайно-дорожном возвратился. Как только представит себе Серёга, рай-то он рай, только всё равно, чтобы общий порядок там был, какое-то время каждый житель райский общественно полезным

трудом занят должен быть, на общее благо. А иначе как? Нужно и дорожки подмести, и цветы посадить, и травку полить, ту же райскую музыку для услады всеобщего слуха, – её ведь тоже и написать, и исполнить надо... А это всё труд!

Да и то подумать, самое элементарное, ежели каждый в раю только гулять да яблоки грызть начнёт: во-первых, так со скуки помрёшь, хотя куда уж дальше помирать-то!.. Во-вторых, не с косточками же яблоки кушать, куда-то и огрызки кидать надо. Куда?.. Стало быть, в целях гигиены должны быть в раю урны для сбора мусора – твёрдых коммунальных отходов, как его нынче называют. А их, урны эти, опорожнять надо, хотя бы время от времени...

Вот и получается, что Степаныч со своими профессиональными навыками в раю просто необходим. С утра дорожки подметёт, мусор на райскую свалку на тележке свезёт – Серёга отчётливо представил себе эту тележку с логотипом «чистый рай» на ней, и улыбнулся – а после уж после этого будет Степаныч вместе со всеми ходить по райским дорожкам, наслаждаться райской жизнью под райскую музыку, райские книжки читать... И такой порядок для каждого райского жителя, сначала дело, потом уж все остальные удовольствия... А иначе как?

Серёга даже пофантазировал – уж с чем, с чем, а с воображением у него проблем не было! – листок на райской доске объявлений, на котором написано крупными буквами, так чтобы без очков читалось, буквально следующее: «Райский распорядок дня: 1. Пробуждение с... до... 2. Утренние гигиенические процедуры... 3. Завтрак... 4. Благоустройство райской территории и общественно полезный труд... 5. Мероприятия по самосовершенствованию... райские наслаждения...» Снова улыбнулся.

Вот и получается, что в раю без Степаныча никак, ведь нужно там кому-то порядок наводить. Кому? Журналистам?.. Серёга усмехнулся с большой долей скепсиса, представив стенгазету «Райский вестник» или что-то в этом роде, вывешенную в райском информационном окне.

Да-а, надо же, привидится такое!..

Ну ладно журналисты, как говорится с паршивой овцы, хоть стенгазетка, а вот распорядители, начальнички всякие, менеджеры... они там зачем?.. Нужны ли? Ведь каждый райский житель и без начальства свои обязанности наизусть знает, как-никак столько лет на земле репетировал, готовился, прежде чем вознестись. Опять же и в рай каждого не за просто так взяли, не за ленное времяпровождение и прочие грехи...

Трамвай резко тормознул, и Серёга схватился за поручень.

«Чёрт, чуть не упал!» – подумал, и поймал себя на том, что снова совсем не сообразно мыслям лукавого помянул.

Надо же, какие мысли с утра в голову лезут! Наивно, конечно, слишком уж просто всё, приземлённо, прямолинейно, однако что-то в этом есть. Да и мог ли он себе рай иначе представить, после стольких-то лет материалистического зомбирования – детский сад, школа, армия, универ... Так и доучился он до самого выпуска на идеалах марксизма-ленинизма.

Это уже потом, в девяностые, всё вокруг – да и в мозгу тоже – ломаться да рушиться стало... Быстро, неожиданно и безвозвратно. Ломаться – ломалось, но и нового чего-то не выстраивалось...

Задумался Серёга в трамвае, и как-то не заметил даже, что до своей остановки доехал. Пожалуй, пора и на землю опускаться: прощай рай, здравствуй, родная грешная редакция, здравствуй, работа, будь она неладна!

Здравствуй суета сует...

И прямо с порога – пошло-поехало. На первом этаже с главным столкнулся, чуть ли не лбами стукнулись. Взбудораженный тот какой-то, красный весь:

– Что с первой полосой делать будем!? – Сразу огорошил тот Серёгу.

– А что с ней делать-то?.. Делать её и будем... - Схохмил в ответ Ерёмин.

– Слышал, сегодня в утренних новостях президент с посланием должен выступить?.. – Напирал главный.

– Ну выступит и выступит. Ты-то чего Петрович суетишься? Ну пошлёт в очередной раз кого-нибудь куда-нибудь, ну поручит чего-нибудь кому-нибудь... Слава Богу, есть кого и посылать, и поручать кому есть. Нам-то с тобой с того – что?

– Да там речь о новом правительстве будет идти, о формировании... – Игорь Петрович, как всегда, когда волновался, постоянно протирал стёкла своих очков о рукав джемпера. С залысынами, немного похожий на Вини Пуха своей комплекцией и своими неуклюжими движениями, он в отличие от Серёги уже успел весь погрузиться в работу...

– Ну не послал же ещё... Дай хоть отдышусь-то!

– Да ну тебя. Говорю же, что с первой полосой делать будем!?

– Успокойся. – Серёга равнодушно махнул рукой. – Сейчас покопаюсь в «инете», какую-нибудь аварию или наркоту вытащу... Всё-равно, даже и пошлёт кого, так они в этот номер не успеют прийти...

– А-а... – Игорь Петрович махнул рукой. – Что с тобой говорить! Просыпайся, давай! Иди – ищи уже свою наркоту!

– Сейчас. Только вот кофе для начала заварю...

С некоторых пор работу свою Серёга, не то, чтобы не любил, но относился к ней с нормальной долей здравого человеческого цинизма. Иначе журналисту просто нельзя, с ума сойдёшь. Ну работает он, ну выполняет задания редактора, старается, чтобы всё без «косяков»...

А в сущности, кто он такой? Простой транслятор информации: пришёл – увидел – написал. Там-то – там-то, то-то – то-то, те-то, тогда-то, потому-то... И всё, большего от него и не требуется. Читателю только этого и надо. Допустим – «во время рейда полицейские изъяли у столько-то-летнего мужчины столько-то граммов наркосырья растительного происхождения, ведётся следствие...», или – «авария на перекрёстке двух улиц – легковой автомобиль столкнулся с трамваем, причина – неосторожность водителя легкового автомобиля, никто не пострадал, пассажиры трамвая отделались лёгкими ушибами...» Про себя Серёга машинально отметил – «никто не пострадал» – уже это радует, хотя для читателя было бы интереснее с картинками – «перелом, ушибы», «доставлены в больницу», «летальный исход» и так далее... А если в текст ещё жареного немного подкинешь – «в частном секторе в районе городского элеватора произошло возгорание бани и надворных построек, пожар ликвидирован, в сарае сгорели два поросёнка...», – скушает – не поморщится, ещё и причмокивать будет от удовольствия...

За много лет работы, Серёга Ерёмин убедился, ничто не поражает мозг человека вернее, чем вирус информации. Человек подсаживается на него, и мозг приспособляется к туповатому блочному мышлению. Поражённые таким вирусом мозговые клетки, уже не способны всесторонне анализировать происходящее сейчас, в данный момент времени: да и зачем разбираться во всех тонкостях, во всех нюансах, если проще найти что-то похожее из недавно поступившего извне и перенести это «на сейчас». Как блок в компьютере в разъём определённый вставить вместо испортившегося, и дальше уже жить, и поступать согласно получаемым от него, от блока этого нового, чётким сигналам.

Серёга часто вступал в полемику с шефом по этому поводу. Хотя, какая это полемика, так, профессиональный трёп, когда оба говорят об одном и том же, только изначально с разных сторон. Один – потому как просто хочется возразить, второй – только потому, что так говорить вслух общепринято. Но думает при этом каждый по-своему, совсем иначе, чем говорит, и не исключено, что думают-то они оба одинаково...

Игорь Петрович Кашин, или просто Петрович, как обычно уважительно называл его Серёга, всё-таки не первый год вместе работают, – любил повторять, мол, будущее за информацией. Думал ли он так, либо просто по долгу службы повторял, – одному Богу ведомо. Ещё любил он вставить при случае избитую всеми фразу, набившую всем

оскомину своей прокисшей «правильностью» и внешней незыблемостью: «Кто владеет информацией, – владеет миром».

Что при этом понимать под «информацией», и что есть «владение миром» Петрович не пояснял, а Серёга не спрашивал. Но нутром чувствовал он, что-то здесь не так, лукавство какое-то, подвох. С разных сторон подбирался он к этой «аксиоме» шефа, чтобы опровергнуть. К примеру, спрашивал его:

– А ты не задумывался, Петрович, чем мы с тобой занимаемся?

– Чем, чем... Газету делаем.

– Понятно, газету... А для чего мы её делаем?

– Не для чего, а для кого. Для людей, чтобы их информировать, о том, что вокруг них происходит... – Игорь Петрович уже чувствовал подвох в Серёгиных словах, напрягался внутренне, начинал протирать очки.

– А нужна им эта наша с тобой информация? У них своих глаз нету? Своей головы...

– Может и есть... Только всё равно им разъяснить надо.

– А зачем разъяснять-то? Ты уверен, что мы с тобой лучше знаем? Или может те знают, кто сверху нам «правильные» трактовки этой информации «сливают»?..

– Ну заладил! Зачем-зачем... Чтобы порядок был, а не «лебедь, рак и щука»...

– И чтобы, все – в одинаковых сапогах, в ватниках, строим, с одинаковыми мыслями в башке? Опять бы кабы своими, а то... с «нашими», разжёванными... – Уже откровенно горячился Серёга.

– В этом и есть наш профессионализм, чтобы выдавать на-гора информацию точную и проверенную... – Не унимался Петрович.

Именно здесь Серёга ловил шефа на слове,

– Проверенную или кем-то выверенную... Про-фес-сиона-лизм говоришь!.. То-то и дело, что порой мы по указке сверху выдаём в лучшем случае полуправду за правду, только потому что вся правда там, наверху, никому не нужна. А эта полуправда, она иной раз пострашнее вранья будет...

– Ну ты скажешь... Ведь газета – это орган, который создаёт общественное мнение...

– Шпаришь, Петрович, как по учебнику... Общественное? Хм-м... Или то, которое нужно создать сегодня тем, кто там наверху. Опять же зачем? Да, прежде всего, чтобы самих себя успокоить, мол, народ так думает...

С некоторых пор у Серёги появился весомый аргумент в споре с шефом. Случилось это, как чаще всего бывает, неожиданно. Прочёл он как-то в периодике одну интересную публикацию о Павлике Морозове. Уже постперестроечную. Написано было достаточно непредвзято, автор просто факты на-гора выдал. Получалось, что сначала в угоду идеологии того времени из мальчишки сделали героя, и ходили к нему пионеры с горнами, барабанами да знамёнами. А время поменялось и стал Павлик – стукачом и предателем, который на родного отца донёс...

На деле же, неизвестно был ли он жестоко убит родственниками, либо дезертирами, которые укрывались тогда в землянках вокруг его родной деревни Герасимовки. И права, похоже, директор музея имени Павлика – Нина Куцевич, которая написала, что он «просто жертва сурового времени... Сегодня ясно – он не герой, и не предатель. И уж точно не пионер. Детская организация появилась в Герасимовке через несколько лет после гибели братьев». Вот и получается, что это мы – сами! – в угоду тому или иному времени, или тем или иным «временщикам», – исказили историю до неузнаваемости.

И это не единственный пример, когда подобное подтасовывание фактов в колоде истории – словно манипуляции шулера с краплённой колодой – за-ради какой-то

надуманной сиюминутной якобы «правды» коробит судьбы людей. Но что в этом случае особо зацепило Серёгу, речь здесь шла даже не о «слезе одного ребёнка»:

– Ты пойми, – Серёга горячился, доказывая Петровичу. – В угоду какой-то идеологии, взяли и надругались над памятью о пацане! И чего она после этого стоит, эта идеология, если утверждается такой жестокой ценой!?

– Ну, знаешь... С такими-то разговорами...

– Знаю.

– А коли знаешь, чего митингуешь!..

– Ну да, наше дело телячье. – Саркастически иронизировал Серёга. – Или журналючье... Мычать да молчать.

Знал Серёга, несправедлива эта его ирония по отношению к Игорю Петровичу. Того жизнь помяла да поломала изрядно, и именно идеологической «дубинкой», оттого и осторожничает. Хотя знает наверняка, его-то, Серёгу, чего опасаться, но с другой стороны – а вдруг ещё кто ненароком услышит...

Однажды, из-за такого вот «ненароком», за такие вот разговоры, ещё в конце восьмидесятых прошлого века, забрали у Петровича партбилет, разжаловали из редакторов. А было-то всего что где-то в компании анекдот про самого генерального рассказал, неподобающий времени. Много их, таких анекдотов, тогда по кухням рассказывалось... Но здесь, нашёлся кто-то из тайных «доброжелателей», услышал и вышестоящее начальство, опять же тайно, проинформировал.

Скандал из этого раздуть хотели, даже на антисоветчину намекал кое-кто... Хотя, собственно до громкого скандала дело не дошло, в конце концов, голову включили, и не захотели в парткоме сор из избы выносить. Ограничились выговором с последующим снятием с должности. Сняли тихо, партбилет забрали, тоже без лишнего шума, просто предложили сдать.

После этого, запил было Петрович, но одумался вовремя – взял себя в руки, уехал куда-то «на севера». Долго там обитался. Теперь вот после всех перестроечных и прочих событий вернулся поближе к родным местам.

Сначала в газете простым корреспондентом работал, теперь вот опять редакторствует, нашлись старые друзья, вспомнили о нём, как о безвинно пострадавшем, попросили за мужика. Здоровьице, правда, у Петровича пошатнулось, слышал Серёга, что инфаркт шеф перенёс в девяностых. Поэтому, понять его осторожность, конечно, можно, второго инфаркта он, пожалуй, уже не вынесет. Потому, наверное, лишнего вслух и не произносит, нервы бережёт. А вообще-то, мужик нормальный, Серёга его уважает. Хотя бы за то, что в своё время не сломался, «с рельсов не съехал». Опять же, как знать, а он, Серёга, устоял бы на ногах в подобной ситуации? Вот то-то и оно...

Обыкновенно к концу рабочего дня, особенно если в конце недели, чувствовал Серёга как вирус информации окончательно дожирает последние здоровые клетки его мозга.

«Нужно остановиться, – Настойчиво вертелось в голове в такие моменты. – Необходимо дать себе время на восстановление...»

И в таких ситуациях на помощь Серёге приходил зачастую тот же мудрый Петрович:

– Ну что, Сергей батькович, не желаете ли обнулиться немного? – Предлагал шеф с хитринкой.

Знал Серёга, у Петровича в сейфе всегда есть прекрасное средство для обнуления – бутылка хорошего армянского коньяка.

– А то!.. Пойдём Петрович, самое время «винт форматнуть»...

Сильно они не увлекались. Хотя времена теперь другие, тяжесть партийного контроля над головой у него не висит, но всё же побаивался Петрович, граммов по сто – сто пятьдесят считал дозой вполне приемлемой для обнуления.

Выпили молча, не чокаясь. Серёга выдохнул, заел коньяк долькой лимона. После некоторой паузы, непонятно то ли ёрничая – шефу, то ли всерьёз – сам себе, выдохнул:

– За невинно убиенных и оболганных Павла и брата его Фёдора Морозовых. Земля им пухом...

Петрович поморщился, не то от лимона, не то от Серёгиных слов, но интеллигентно промолчал.

А немного погодя, не то Серёгу, не то себя чтобы в чём-то утвердиться, спросил:

– Ну что, отправили номер?..

– Отправили. – Даже не ответил, скорее согласился с ним Серёга.

И неизменно, как и всякий раз, точно исполняя некий ритуал, понятный только им с Серёгой, шеф произносил одну и ту же фразу, которую считал наиболее соответствующей данному моменту: подражая герою Александра Збруева из фильма «Всё будет хорошо», он высоко верх поднимал правую руку, потом резко бросал её вниз и выдыхал зло, но с огромным чувством:

– А-а-а, да и хрен с ним, с плащом! – И немного погодя, добавлял. – А ты говоришь, мнение народа...

Серёга кивал, не то соглашался с Петровичем, не то просто делал вид, что соглашается.

В этот раз засиделись они.

Домой Серёга возвращался уже в часу девятом вечера, наскоро распрощавшись с шефом. Конечно, тому-то шагнул два шага и – дома, поскольку жил Петрович в соседней девятиэтажке, а Серёге, ещё через весь город на трамвае пилить, к тому же и трамвай нынче вечером плохо ходят...

Однако повезло, трамвай в этот раз быстро подошёл, и пяти минут Серёга на остановке не стоял. По пути домой прокручивал он в голове, всё что произошло за день на работе. Не то чтобы очень хотелось ему возвращаться к прожитому, скорее наоборот, никак не мог отключиться от этого навязчивого вирусно-информационного потока.

Сильно это Серёгу раздражало, и так весь день насыщался он всем этим, большей частью негативом, у компьютера, и тут... Хотелось также, как Петрович – поднять руку и бросить её вниз, и переключиться на что-то иное, более личное и домашнее. Не получалось.

Трамвай мерно покачивался, стучал по рельсам железными парами колёс, мелькали за окошком огоньки рекламных табло на зданиях, на огромных мерцающих стационарных экранах, установленных вдоль улицы: «Сделаем город чистым», «Наведём порядок», «Голосуйте за нашего кандидата»... Хотелось матюгнуться с досады, но Серёга только вздыхал и снова пытался вырваться из ненужных, завладевших им, гнетущих сознание мыслей.

«Так негоже, – досадливо думалось, – Пора как-то научить отключаться от всего этого. Только как? – Крутится и крутится в голове... – Где же тот «выключатель», чтобы раз и нет её – этой дурацкой информации?.. Даже армянский коньяк шефа уже не помогает...»

А решилась проблема как-то сама собой. Когда и кто нажал кнопку «выключателя», Серёга не особо понял, произошло это, похоже, без его воли. Когда он вышел на своей остановке, – с удивлением увидел, что всё вокруг расчищено от снега.

«Неужели нового дворника нашли? – Удивился он. – Быстро...»

Оглянулся, вокруг ни души. От этого что ли, ощущение возникло, точно в другое пространство попал. Вроде ничего не изменилось: фонарь вот он – стоит, сфера вокруг него световая та же, что и утром. И также мерцает, и снежинки по-прежнему пронзают этот свет тонкими дорожками. Представилось само собой непроизвольно, вот такими нитями-дорожками мир этот должен быть связан с другой сферой – той, что где-то вверху, надо всем, и именно, из этой сферы, по этим дорожкам, к нам струится некая информация

оттуда. Именно теперь, когда он почти осознал это, важно не нарушить эти каналы каким-то неуклюжим движением, одной неверной мыслью. Ведь информация эта совсем другая – не та, что он в своих газетах ежедневно, номер из номера множит и людям втохивает. Она спокойная, неназойливая, но очень хрупкая и пугливая.

Серёга даже остановился и прислушался, тишина в окружающем его мире продолжалась. И он почувствовал, что внешнее информативное поле точно исчезло совсем, и всё его сознание напрямую подключено к тем высшим каналам.

Пребывая какое-то время в состоянии такой подключённости, он машинально, на полном «автомате» завернул за угол остановки... и чуть было не столкнулся нос к носу с дворником – с точной копией Степаныча, слепленной кем-то из снега. Ну или почти точной, в темноте ведь не очень-то разглядишь...

Да, перед ним стоял дворник. Тонкие чернявые берёзовые прутики торчали у него вместо шевелюры из-под его вязанной шапочки, а рабочие рукавицы, надетые на его снежные руки, сжимал дворницкую метлу... Его, Степаныча, метлу. В этом Серёга был уверен на все сто.

Он даже опешил поначалу от неожиданности, чуть не поздоровался. Снеговик так сильно напоминал ушедшего дворника – ещё и освещение это тусклое, здесь за остановкой... – вылитый Степаныч!..

Опомнившись от своей первоначальной растерянности, Серёга внутренне усмехнулся над собой. Потрогал снеговика, сначала осторожно, потом немного смелее, затем совсем уверенно потрогал, и улыбнулся по-доброму, просто так. Никому.

«Вот оно что, – осенило его. – То ж пацаны снеговика слепили. Те самые, которые над Степанычем всегда подшучивали. Заодно и остановку от снега, видать, почистили, пока снежные комья катали. Да-а, дела... Видать им тоже Степаныча не хватает. Как ни крути, светлый был человек, хоть и неразговорчивый...»

И как бы уже к себе обращаясь, добавил мысленно: «Значит есть всё-таки она – та самая «кнопка-выключатель»! А то всё газета, новости... Тьфу!»

Серёга поднял руку, и резко опустил её, почти как Збруев в том фильме... или как Игорь Петрович?.. «Да и хрен с ней...», – подумал.

2. Забрать с собой

Неблизкий путь проделали десятка два крестьянских семей из центральных волостей Российской империи, шли большим обозом, почитай около года в пути. Кто-то с самого Воронежа шёл, а по дороге пристали к ним тамбовские да вятичи. Везли с собой на телегах всякий домашний нехитрый скарб, одежду, большие запасы продуктов. В Сибирь шли за землёй, за волей.

Потому, сказывали люди жожалые, земли там в Сибири немеряно есть, а чёрности в той земле в рост человека и выше, паши – не хочу. Лесу много всякого, реки огромные, а живности да рыбы в лесах да реках – не переводится. Работящему мужику дом на новом месте поставить да хозяйство завести умеючи всегда при желании можно, были бы руки да голова при месте.

За лучшей долей шли мужики, да бабы с ребятишками, к самому Енисею-реке, про которую от странников много раз слыхивали. И не бедные мужики в обозе были, не голытьба, скорее наоборот, вполне себе крепкие, хозяйственные – самодостаточные, как это нынче говорить принято.

А шли, потому как просто замучили мужиков поборы да притеснения барские, да и всякому всегда от жизни чего-то большего хочется, чем «на дядю» горбатиться, а лучше, как известно всегда там, где нас нет. Вот и подались мужики ту далёкую загадочную Енисей-реку искать...

Поустали, поумаялись обозники, и то сказать, времени с начала пути нимало прошло. А Енисея всё нет и нет. Где он? Далёко ли ещё?

Дней десять тому, встретили они в степи путника непонятного: бродяга – не бродяга, только вид у него сильно обношенный, одежка поободралась, и снизу и верх, да и сам глядит на них забито как-то, устало. Однако на вид человек из православных, уж точно не кыргызских кровей. Хотя глаза на месте не стоят, бегают от стороны в сторону воровато. Да мало ли что, край здесь суровый, дикий, всякого насмотришься, одно слово – Сибирь. Словом, что за человек – с первого разу не понятно.

Похоже скиталец и сам напугался обозников очень. Мужики суровые, бородатые, хмуρο исподлобья глядят. Мало им в пути людей попадалось, а если и попадались – больше всё местные, из кыргызов, те-то что-то не по-нашему – по-своему лопочут, к ним по-русски, они не понимают, какой с них спрос есть – ничего толком не объяснят.

Вот и спросили обозники с путника того:

– Мил человек, как нам до Енисею-реки выйти, скажи, будь добр?

Тот сильно с ними не откровенничал, совсем не разговорчивый попался, махнул им рукой направление, идите, мол, туда. Не то вправду знал где Енисей тот, не то просто от страха, чтоб отстали от него поскорей. Но, куда странник указал, туда обозники и пошли.

Идут они, а Енисею всё нет и нет. Устали шибко, да и провианту в обрез осталось. Уже и надежду всякую поистратили. Мужики, не то, чтобы ворчат, но видно, недовольны, в бороды хмурятся молча, да чего греха таить, у Силантия Кашина, что в обозе за старшего считался, и у самого сомнения разные в голове – вообще есть он тот Енисей, нет ли? Где? А то, как соврал странник?.. Но ему-то хочешь – не хочешь держаться надо, эвон сколько народу за ним нынче идёт! И вроде, за всех них он один в ответе. Эх думы, думы...

Отобедали на привале. Как всегда, Силантий, остатки еды бережно собрал, неспешно крошки хлеба в горсть сгрёб, да ловким махом в рот закинул, губы ладонью обтёр. Потом всё что от обеда осталось, в тряпицу чистую аккуратно завернул, в ту, что они с женой заместо скатёрки по-походному расстлали.

– Ну вот и спасибо, Господи! – В вещмешок всё сложил.

Только на ноги поднялся, плечи расправить не успел, глядь навстречу паренёк из обозных несётся. Откуда-то со стороны холма, что впереди маячит. Со всех ног подбежал малый, орёт блаженно во всю ивановскую:

– Дядька Силантий, дядька Силантий!.. Река там горкой! Ба-а-альшая... Не иначе – Ени-сей!..

Быстренько собрали обозники всё, что на привал покушать раскладывали, поднялись на горку, глядят, и правда, впереди – река. Широкая, извилину внизу прямо под кручей огромную делает, что змея извивается, а прямо под холмом на берегу поляна чистая, от неё – в обе стороны вдоль речки лес лентой широкой тянется, конца края той ленте не видать.

Посмотрел Силантий на реку, выждал немного и молвил коротко:

– Енисей. – Сказал, как гвоздь с одного разу вбил.

Остальные тоже радостно оживились, и мужики, и бабы с ребятишками. Загалдели, усталость у всех – что рукой сняло.

– Здесь вставать будем. – Указал Силантий на поляну у излучины.

Где указал старший, там и остановились переселенцы. Обустроиваться стали. Сначала землянки временные соорудили, не под открытым же небом ночевать. Ямы выкопали, верх у тех ям брёвнами да ветками укрыли, землёй присыпали. Каждая семья – для себя.

Потом участки размежевали, чтобы – по совести. Да сильно и не спорили, земли кругом вона сколько. Не мешкая строится начали, благо лес рядом, река недалеко. Село здесь заложили, и название тому селу – Енисейское стало.

Правда незадача одна вышла, но про то переселенцы чуть позже уразумели. Видать напутал их бродяга с направлением, не туда рукой махнул, а может и намеренно, как с него теперь спросишь. Буквально дня через два, обнаружили они, неподалёку ниже по

реке крепость казачью большую. А когда с начальством крепостным пообщались, узнали, что и не Енисей – это вовсе, до Енисею отсюда ещё месяц-полтора ходу будет.

Ну, почесали мужики затылки, да решили, какая разница, здесь тоже земли навалом, лес, река. Тем более и казачье начальство из крепости не против, чтоб им здесь село ставить. Так и сказали: «Стройтесь, а ежели местные кыргызы притеснять будут, – сразу нас зовите, поможем, защитим».

С тех пор и стоит в этой излучине реки село Енисейское. А живут в нём люди, как и предки ихние – зажиточные, работающие, землю пашут, скотину держат, одно слово – хозяева.

Игорю Кашину историю про то, откуда их село пошло, да про прапрадеда Силантия, который обоз сюда привёл, отец много рассказывал. Грамотный он был мужик, отец, историю в местной школе преподавал, в архивах всяких любил копаться семейных, соседей всех про всё расспрашивал да в тетрадку записывал их истории. А ещё от деда Матвея Куделина Игорь ту же историю про Енисейское слышал, правда, немного в другой интерпретации, мол, тот парнишка, что первым реку увидел, якобы его, деда Матвея прадед был. Впрочем, а почему бы и нет, хоть отец ему про то словом не обмолвился, всё может быть, теперь как узнаешь...

От отца Игорь интересом к прошлому и загорелся. Потому и на исторический поступил сразу после школы, и в институте у него по истории всегда отлично было. Батю не подводил.

Жаль нет уже Петра Тимофеевича, помер давно. Да и мать тоже старенькая стала, сама уже и в огороде ничего не садит, а в последнее время, так совсем к младшей сестре Игоря – Галине переехала, с ней теперь и живёт.

А дом родительский стоит, не продали. Мать всё надеется Игорь в село вернётся. Да только ему пока, как-то не с руки, с одной стороны и тянет вроде сюда к родным местам, с другой – чем он здесь заниматься станет. В школе ребяташек раз-два и обчёлся, мало кто нынче в селе остаётся, все норовят детей в город пристроить. Да и в школе преподавать, – нет, не его это. А на пенсию, что ему государство от «щедрот» своих положило, разве проживёшь. Вот и корреспондентствует да редакторствует по газетам разным, по городам и весям... давненько уж.

У родителей Игорь и раньше частенько бывал. Помогал, как мог. И в этот раз приехал мать с сестрой навестить, отцу могилку прибрать да памятник новый поставить. И ещё, сказать честно, надоело ему в городе, особенно, вся эта суэта шумная и бестолковая вокруг пандемии, которую во всех газетах, а более того по телевизору да в интернете развезли. Поначалу смешно было даже, открываешь газету, а там на каждой страницы «в связи с опасностью распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» и так далее. Потом тревожнее стало, когда «на территории указом губернатора введён масочный режим», или в транспорте «если вы не хотите провести остаток лета»... – конечно, не хотим! – статистика резко вверх полезла, сначала по заболеваемости, потом и по смертности... Все в масках, все друг от друга подальше держаться, волками друг на друга глядят, не дай Бог, чихнуть в трамвае или в автобусе, – всё, ты враг всему пассажирскому сообществу на всю оставшуюся поездку, смотрят на тебя со всех сторон, точно на прокажённого...

Однако всё равно, не покидало Игоря Петровича какое-то странное чувство, что вся эта пандемическая истерия кем-то тщательно срежиссирована. Тем более, как говорится, газеты он «старался не читать – он их писал...», знал, что к чему и как всё делается.

Срежиссировано... Это он не о самой болезни, а именно о нагнетании истерии вокруг неё. Уж слишком по каким-то выверенным математическим законам «официальная» статистика на-гора выдавалась, по нарастающей, как он ещё со школы помнил, по законам прогрессии, сначала – будто арифметической, потом геометрической... Хоть кривую рисуй!

А в деревне, хоть и тоже пандемия, но, честно говоря, как-то попроще здесь. Конечно же и санитары везде понаставили – а как иначе, ведь не только требуют, но и оштрафовать могут, ежели проверка из района нагрянет – и маски для приличия люди в карманах носят, но надевают разве что в центральном магазине да на почте. А так, живут себе почти как до вируса жили, также скотину держат, хотя мало её нынче, по-прежнему хлеб растят да урожай собирают...

Вот и решил Игорь рвануть в деревню на выходные, тем более и повод хороший у него созрел: плиту гранитную с гравировкой на могилку для бати заказал, вместо старой заржавевшей уже металлической пирамидки, какие раньше, ещё в «совковские» времена повсюду ставили.

Плита, она как-то посолиднее будет. Недорого, но хорошо получилось. Сама плита – серого гранита, на ней красиво выгравированы портрет отца да надпись «Пётр Тимофеевич Кашин...», и дальше – годы жизни, как положено. Знакомый её сделал, Игорь ему рекламное объявление в своей газете со скидкой месяца два подряд ставил, ну и приплатить пришлось ещё сверху конечно немного. Нынче всю сумму по бартеру нельзя провести, времена не те – не девяностые. Надо хоть немного показать, что оплатил, а сколько, кого волнует, как говорится «цена договорная».

В городском гараже плиту держать, как-то боязно. Во-первых, хулиганят у них в гаражном кооперативе наркоманы, особенно теперь, когда сторожа лишний раз из домика не выходят – пандемия! – вот и лазят, всё что ни попадя воруют; а во-вторых, гранит – он, хоть и гранит конечно – но всё равно не вечен. В гараже сыро, а ночами – прохладно, надёжнее всё же увезти памятник и на место установить.

Довезти плиту до деревни Игорь знакомого попросил на газели. Тот, тоже бывший односельчанин, сейчас в городе обитает, но в Енисейском частенько бывает, продукты в местный магазин раз в неделю завозит. Как-то разговорились они с Игорем об этом, интересную мысль знакомый этот высказал: «Во, времена интересные пошли, из города – и хлеб, и молоко, и крупы – в деревню возим... Скоро и картошку крестьяне сажать перестанут, будем откуда-нибудь с Кубани завозить, или от арабов...» А ведь если задуматься, прав он, не тот, не тот нынче крестьянин стал...

Игорь и раньше частенько с ним, с этим знакомым, гостинцы родным отправлял, когда сам приехать не мог. А тут всё сошлось у него удачно – и плита готова, вон в гараже стоит, и выходные как раз подошли. Много дел в этот раз он запланировал, потому все два дня получились почти по минутам расписаны.

Во-первых, конечно, наведается к сестре, вечером. Муж её Леонид, по такому случаю, баню протопит. Баня у них с Галиной в огороде стоит, а огород прямо на реку смотрит. Сначала они со свояком в баньке посидят, потом в речку обязательно занырнут. Без этого никак, Леонид мужик флотский, ему лучше стопку лишнюю не налей, а в ледяную речку с мостков прыгнуть, так, то – первое дело.

Потом сеструха с мамой им стол во дворе накроют, а там хоть всю ночь сиди, если комарья не будет. Хотя ночь не получится, наутро памятник ставить нужно...

Что всё так и будет, в этом Игорь даже не сомневался. Это в городе не знаешь, что с тобой в следующий момент произойдёт, а в деревне время по распорядку идёт: всё размерено, всё одно за другим, день ото дня, год от года...

Но первым делом, всё же, – в родительский дом наведаться. Там и плиту батину разгрузит, чтобы назавтра её на кладбище отвезти. А установить уж памятник свояк помочь пообещался...

Да и чувствовал, что внутри нетерпение кипит – домой! – вдохнуть, ощутить, как оно домом родным пахнет. Помнит Игорь эти запахи с детства, как-никак до семнадцати годов в этом доме прожил. Это потом уже понесло его по жизни словно листок оторванный: институт – армия – снова институт... работа – партшкола – редакторство... Да было время!

А потом, тоже было, – по рукам его окоротили, мол, знай свой шесток... Это когда донос кто-то из «товарищей по работе» на него настроил, тогда Игоря из редакторов поперли. Кто именно, он и теперь не знает, хотя догадывается, только надолго запомнил, как стоял, потупив взгляд, перед первым секретарём, а тот орал на него благим матом, как на пацана:

– Да ты!.. Знаешь, на что посягнул!? Партию позоришь! На стол билет!..

Не стал тогда Игорь унижаться – оправдываться, выложил партбилет на стол первому, развернулся и молча вышел из кабинета. А вслед ему неслось:

– Да я с тобой знаешь, что сделаю!..

Запил Игорь поначалу, но ненадолго. Просто один раз проснулся утром с сильного перепою, глянул в зеркало и представил себя со стороны – вчера, когда пьяным неизвестно где шарахался – выругался, одёрнул, мол, хватит, и буквально, как тот Мюнхгаузен взял себя за волосы и вытянул из болота запоя. А чтобы ничего вокруг больше о грустном не напоминало, да и развеяться заодно, махнул с товарищем «на севера». Тот его на вахту с собой позвал, где-то там за полярным кругом новый комбинат строить. А там на Севере, совсем всё по-другому – другие люди, другие взаимоотношения, другие законы, более суровые. Не те, законы, что людьми писаны, а те, что – по совести.

Правда, не долго там Игорь комбинат строил. Поскольку опыт журналистский Кашин имел большой, пригласили его в газету, которую сначала стройтрест открыл, а потом её же, когда комбинат запустили, туда передали. А что? И на Севере люди тоже читают, им тоже новости подавай, они тоже знать хотят, что в нашей стране бескрайней происходит. Позже газета и вовсе городской стала, и город вокруг комбината разросся. Так и проработал Игорь в этой «Северной правде» до самой горбачёвской перестройки.

Там на Севере всё сложилось у него точно с нуля: и женился он на такой же приезжей с Алтая. Жена всё время, что они там жили, в школе географию ребятишкам преподавала, он редакторствовал. Словом, жили как все люди вокруг, работали. А что, и на Севере жить можно. Конечно, лето там похолоднее, чем у них на Алтае, а, когда тепло, – от мошки не знаешь куда спрятаться. Это не комары вам! Комара его шлёпнешь ладонью, кровь сотрёшь, и слушаешь, где ещё зажужжит. А мошка, она облепит со всех сторон, во все щёлки в одежде пролезет, в нос, в рот набивается – куда шлёпать?.. Тут, хоть падай на землю и ёжиком катайся... В начале 90-х прошлого, когда в Москве ускорились и перестроились да Белый дом сожгли, потянуло их на родину, сильно потянуло. И решили они с женой, будь что будь, пора поближе к родным местам перебираться. Теперь-то, поди из тех, кто был свидетелем Игоревых передраг, там и не осталось уже. А если и помнит кто, столько лет прошло...

Родительский дом действительно встретил его знакомыми запахами. На веранде воздух немного сырой, сосной пахнет. Вот уж года три, как приезжал он, помогал отцу веранду изнутри обшивать, а запах до сих пор чувствуется, да и кое-где по кромке доски вдруг да проявится капелька смолы, если не заметишь её, заденешь рукавом или плечом, потом точно ничем не отстираешь.

В горнице, там совсем другие запахи. Там сырости нет, чувствуется протоплено – сестра со свояком раз в неделю обязательно бывают, следят, чтоб дом без хозяина не обветшал. Вон и у печки несколько полешек сложено аккуратно, а рядом с ними лучина нацеплена для растопки, да и на дровах сверху старая газета лежит, чтоб поджигать удобнее было. С печки чувствуется травами разными напахнуло свежо. Видать Галина с Леонидом впрок там зверобой да душицу запасли, чтоб зимой чай травяной заваривать...

Обошёл Игорь дом, осмотрелся, – доволен остался, живёт дом, дышит. Надо будет Галку с Лёнькой за это отблагодарить. Впрочем, он и это дело заранее предусмотрел, с собой водки городской «казённой» привёз. Конечно, и здесь в магазине можно её купить, но здесь – дороже, потому и не заморачиваются сильно мужики, ставят брагу, кто на меду,

кто просто на сахаре. К выходным, к празднику, каждый сам себе нагонит сколько нужно, змеевики-то почитай в каждом доме есть.

Плиту для бабиной могилки он прямо на траву выгрузил. Снизу три бруска деревянных проложил, чтоб камень не отсырел за ночь. Пусть так полежит, всё равно завтра забирать да на кладбище везти.

В ограде всё по-хозяйски осмотрел. Сарай открыл, чтоб проветрился, там бы вон в дальнем углу огорода забор немного поправить – покосился он. Только не успеет, пожалуй, в этот раз. А Леонида просить – у того и самого хозяйство немалое, да и когда ему, он на стане механизатором работает, летом в поле работы полно. Нет, неудобно свояка нагружать, и так мать его в строгости держит, лучше уж сам потом приедет, подправит.

Посидели они вечером со свояком хорошо. И в баньке попарились, раза по три заходили, и в речку занырнули – хороша вода, к вечеру холодная, освежает. И казённую поллитру оприходовали, потом Леонид ещё в кладовку за своей домашней сходил.

– А что, река-то совсем обмелела? – Спросил свояка Игорь, впрочем, больше для разговора, и сам всё увидел – обмелела.

– Натащило с верховьев песка и гравия, теперь на пол реки – коса... Хотел летом наш председатель, дружок твой Витька Шрайдер, гравия из реки взять пару машин, чтоб улицу центральную у школы да у клуба засыпать и отгрейдировать. Заодно и реку бы на перекате почистили... Так оштрафовали его. Сказали, мол, нельзя на государственное добро зариться.

– Да, с гравием нынче строгою – Согласился с ним Игорь. – Всё теперь государственное, природные ресурсы...

– При-род-ные... Чувствуешь? А природа чья, река?.. – Горячился Леонид.

– Тоже государственные.

– А я-то, дурак думал, раз государственные, значит народные... Думал, государство – оно для народного блага...

– Эка, вспомнил. Это раньше при социализме так было... – Подзуживал свояка Игорь. – По крайней мере, хотя бы вид делали, что так.

– А помнишь, раньше здесь, мимо Енисейского, теплоход вверх по реке подымался... Почти до самого озера ходил!.. А теперь? Одна сплошная мель, особенно у нас через кривун, на лодке моторной и то страшновато вверх проходить, того и глядишь винтом за косу зацепишь! А уж про теплоход и говорить нечего... Э-эх!.. А гравий из реки – не возьми, даже если для дела, для людей... Какого ж тогда хрена они сами – государство, ёшь твою плешь! – русло от гравия не чистят, ежели река государственная?! – Совсем раздухарился Леонид. – Одно слово, сам не ам и вам не дам – ни себе, ни людям!..

Игорю оставалось лишь молча плечами пожимать, так свояк раздухарился. Да и что он мог сказать, коли видел – неладно что-то «в датском королевстве», и здесь в деревне неладно, да и у них в городе тоже. Просто здесь нелепости эти как-то явственнее выпирают, здесь всё на поверхности лежит.

– А ещё!.. – Продолжал горячиться свояк. – Анекдот прямо... Баба Настя, соседка наша... наемни я в магазин зашёл... а она рулетку метровую у продавщицы спрашивает. Та ей, мол, не завозили нынче метровых рулеток. А бабка и говорит: «Что ж, тогда линейку давай, самую длинную. Сколько она у тебя там? Сантиметров тридцать?..» Спрашиваю: «Для чего тебе, баб Настя, линейка-то? Никак в школу под старость лет с дедом собрались?» «Да ты чё, Лёнька, – говорит, – ничё не знашь что ли? Закон новый не то «о сучках», не то «о сучках», депутаты наемни приняли, как теперь без линейки в лес по дрова ходить?»

И немного помолчав, добавил ещё свояк:

– Смешно, аж плакать хочется, а ты говоришь – госу-дар-ство...

Засиделись так. Заполночь уже, хотел Леонид ещё в кладовую за самогоном «занырнуть», азартный он свояк иногда бывает, да и разговор у них как-то интересный пошёл, душевно-политический... Однако мать с сестрой услышали, и «пресекли это безобразие». Сестра-то просто немного поворчала на них по-доброму, больше мать строжилась, и в основном на свояка, на Леонида:

– Ну вот, всё никак не уймётесь полуношники... Ладно этот алкаш из батрацких, – это она про Леонида, – и ты с ним туда же. Хватит бы вам уже, Игорёк...

Сына она всегда ласково называла – Игорёк, Игорушка... – а вот зятя откровенно недолюбливала. Не так чтобы совсем и навсегда, но каждый раз не упускала случая напомнить тому, что родом он с соседнего Новоенисейского села, что отсюда за речкой видать. Бывало, иногда и на дочь она ворчала, когда та пыталась мужу помочь по хозяйству:

– Ишь чего удумала, сама огород копать! Мужик у тебя на что?..

– Мам, так некогда Лёне, он с утра до вечера на работе...

– Надо же, надорвался!.. Ничего, придёт с работы, пуцай копает! Такое его дело – батрацкое... Вона, ещё и в телятнике не чищено, пошла корову доить, чуть на говне не поскользнулась... Лентяй! Пуцай копает...

– Ну зачем ты так, мама? – Морщилась Галина. – Нормальный он мужик, всё по дому делает.

– Но-ормаль-ный... Вот и пуцай копает, коли нормальный! – Ворчала она нарочито громко, чтоб зять услышал.

Сам Леонид к этому тётчиному ворчанию относился спокойно, с некоей долей крестьянской философичности:

– Старый человек, её уже никому не переделать, даже Господу Богу. Ворчит – и ворчит, на то она и тётца, чтоб на зятя ворчать. Только мне-то от этого не скользко. – Говорил он жене. – Да и нас новоенисейских этим не проймёшь.

Историю эту про Новоенисейское Игорь тоже от отца слышал – то ли правда, то ли придумано, но соседнее село было основано гораздо позже самого Енисейского уже в конце девятнадцатого века беглыми енисейскими батраками.

В самом Енисейском мужики изначально зажиточные были. С тех пор, как отстроились – хозяйства у всех большие, у кого дети взрослые управляться помогали, а кому-то и батраков нанимать приходилось из разных прибудных. Многие бродяжие, да заводские беглые людишки в Енисейском со временем оседать стали, работали на хозяев. Ну а что, и крыша над головой есть, и прокорм – не за так работали, справедливости ради скажем, не скупались енисейские мужики, платили неплохо.

Однако, всё равно своего хозяйства кому же не хочется, разве что ленивому. Вот и повадились с некоторого времени батраки енисейские за реку бегать, пытались там обустроиться да своё хозяйство начать. А что, – земля за рекой такая же, кыргызы да алтайцы к тому времени уже далеко к горам от реки откочевали, там теперь жили. Да и мирные они нынче, после того как белому царю на верность присягнули, не то, что поначалу.

Сказывали самым первым из Енисейского один батрак убёг, кажись Семёном звали, а может ещё как. Говорили даже, что из каторжных был. Однако на какое-то время прижился и осел в Енисейском. Работал и работал на хозяина, а тут – на тебе – убёг! Воли захотелось!.. Землянку за рекой себе выкопал, да дом ставить начал.

Недолго думая, отловили его мужики енисейские да бока намяли, чтоб другим, значит, не повадно было. Хорошо намяли, недели две влётку провалялся. Да только где там, один пример показал, другие бегать начали.

Покумекали тогда хитрые енисейские мужики, покумекали да так принародно огласили: коли сможет беглый за один день да одну ночь за рекой дом поставить, печь в нём сложить да огонь в печи той разжечь – Бог с ним, пуцай там и живёт.

С трудом Игорю в то верилось, но, по рассказам отца, находились и такие, что и избу наскоро ставили и печку разжигали. Ну, а коли решение принято было, нельзя же мужикам на попятную идти – мужики-таки – вот и отпускали батраков на вольное проживание.

Так там за рекой постепенно ещё одно село выросло. По началу десятка полтора хат было, называли его промеж собой енисейские то Нахаловкой, то Батраковым, только в конце концов пристало к этому селу название Новоенисейское. Скорее всего, возникло оно с подачи самих новоенисейских обитателей, понятно, кому охота нахаловским или батраковским быть.

Более того, со временем село на левом, более пологом берегу реки разрослось и стало гораздо больше самого Енисейского и вширь, и по численности населения. А с некоторого времени, уже где-то с 80-х годов XX века стали покупать в Новоенисейском участки земли горожане. Место удобное было, строили дачи и жили все лето, большую часть весны и осени. Некоторые так, вообще, со временем сюда переселились.

А что, транспорт теперь у многих, а до города – минут двадцать езды. Работали в городе, а жили в Новоенисейском – там и воздух почище, и хозяйство подсобное рядом с домом, ни в какой сад за тридевять земель в выходные тащиться не надо. Вышел из дома – сорвал с грядки огурец, выпил стопку и занимайся хозяйством, не торопясь от души, хочешь грядки копай, хочешь дрова для баньки руби да в поленницу складывай...

Однако историю о первоначальном происхождении Новоенисейского-Батракова енисейские старожилы помнили до сих пор, и некое пренебрежительное отношение к жителям заречного села у большинства енисейцев, особенно старшего возраста, сохранилось.

Вот и Леонид муж сестры родом был из Новоенисейского, а мама Игоря и Галины, как истинная уроженка Енисейского, относилась к нему по старинке – свысока. Она против их свадьбы была, ещё когда Лёнька к Галине на лодке вечерами из-за речки дружить приплывал, только тогда отец жив был, и он, как человек более прогрессивных взглядов, умел убедить маму не противиться счастью дочери. Но сколько уже Галя с Ленькой живут, дети скоро взрослыми у них станут, мама никак внутри смириться с мыслью не может: «Вот, вышла доченька замуж за батрака-нищего нахаловского... Спа-а-сибо, тебе!»

«Конечно зря она так. – Думал Игорь. – Лёнька он мужик спокойный, работающий. Вот и сестра за ним, как за каменной стеной, живут ни в чём не нуждаются».

Только разве маму переубедишь! Да он и не пытался этого делать. Знал, согласиться вроде бы, как некогда с отцом, головой кивнёт, но думать будет по-своему. Упрямая она, это у них семейное, кашинское...

Домой Игорь пошёл далеко за полночь. Сразу спать лёг, завтра Лёнька пообещал пораньше с утра на своей «Ниве» подъехать, чтобы им на кладбище с плитой побыстрее управиться. Свояку ещё на стан полевой к обеду нужно, там он парня на тракторе подменить пообещал, тому в город за чем-то срочно понадобилось съездить, вот и попросил свояка. А Лёнька, он добрая душа, никому не откажет...

На кладбище они со свояком и впрямь довольно быстро управились. Свояк мужик коренастый, морфлотовский, к труду с детства приучен, да и Игорь, хоть и ростом не вышел, – тоже не промах, в работе никогда ни за кого не прятался. Вкопали плиту, вокруг нижнего основания всё утрамбовали на совесть, цементом укрепили. Хорошо плита встала, прямо. Свояк отвесом самодельным из гайки с верёвкой прикинул, всё вертикально стоит – как надо.

– Ну вот, батя! – Выдохнул Игорь. – Теперь у тебя и здесь всё ладом будет...

– Земля пухом, Пётр Семёнович... – Кивнул свояк.

– Ты беги, ждёт сменщик, небось... – Игорь протянул Леониду руку. – Спасибо, помог.

– Ладно, чего там. Свои, поди, люди... Сочтёмся.

Поручались на прощание. Леонид на стан поехал, а Игорь, как и запланировал заранее, к своему другу детства закадычному – Виктору.

Родители Виктора Шрайдера из поволжских немцев были. В Сибирь попали ещё в 1941. Тогда с 3 по 20 сентября по данным НКВД из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей было выселено почти 440 тысяч этнических немцев. Операция по переселению проводилась под контролем подразделений НКВД и милиции. Людей грузили в вагоны, иногда не обеспеченные даже элементарными нарами для отдыха и сна, везли буквально в скотских условиях.

Самого отца Витька совсем не помнил, но со слов мамы, знал про их злоключения. Сначала всех депортированных выгрузили в Алтайской степи, просто указали место, мол, обустраивайтесь. И всё. Почти сразу взрослых мужчин отправили в трудармию, а женщин и ребятишек расселили по сёлам, в основном по квартирам к местным. Женщины тоже нанимались на работу, трудились просто за пропитание.

Адольфа Шрайдера определили на обслуживание Чуйского военизированного тракта – ЧВТ, как его сокращённо называли во всех документах того времени. А мама попала в Енисейское, жила на подселении у местной семьи, работала в колхозе, скотницей. Муж хозяйки был на фронте, поэтому Марии, так звали маму Виктора, приходилось помогать управляться по хозяйству и с многочисленными ребятишками. Хозяйка в благодарность принимала её как члена семьи, даже ужинать садились все вместе: дед – отец мужа хозяйки, пятеро ребятишек и две женщины – сама хозяйка и Мария. Потом была похоронка на мужа хозяйки, почти сразу после этого схоронили деда, не смог он пережить такое горе, потом... Да много чего было. Но самое радостное – это когда объявили о Победе! Сколько радости, сколько слёз было в Енисейском, кто-то не дождался с войны своих родных, кто-то, наоборот ждал с нетерпением. Как бы там ни было, радости было больше, потому как горе у каждого было своё, а радость одна – общая.

Адольфа комиссовали из трудармии сразу после войны. В Енисейское к маме он приехал худой, чёрный с лица, осунувшийся, постоянно кашлял, нехорошо так, откуда-то из глубины, по-чахоточному. Видать здоровье на стройке подорвал основательно. Хоть и болел сильно, однако худо-бедно дожил до начала 60-х. Вот и Витьку они с мамой смастерить успели...

После смерти Адольфа, мать Виктора так и трудилась на ферме, сначала мужа лечить нужно было, потом сына поднимать, а спустя год после смерти отца, Виктору тогда всего-то год было, появился у него отчим – бывший фронтовик, коренной енисеец дядя Юра...

С Витьком Игорь в одном классе учился, всё детство вместе: зимой – на охоту, петли на зайцев ставили; летом – и в лес – по грибы, по ягоды, и на речку, конечно. А то и на остров, который посередине реки испокон веков был. Вплавь добирались, хоть и быстрина здесь на кривуне. Главное нужно по берегу вверх подальше по течению пройти, метров на пятьсот-шестьсот выше острова, чтобы, не дай Бог, не промахнуться.

Как-то раз Игорь промазал, снесло его течением, пришлось обратно поворачивать да к берегу с самой середины реки плыть. В одну-то сторону вроде ещё ничего, а вот когда и туда, и обратно... Сильно он устал, помнится, в какой-то момент даже испугался не на шутку, на мгновение показалось – не доплывёт. Потом успокоился, не стал сильно руками махать, плавно грести начал, чтоб силы зазря не тратить, и потихоньку – к берегу. Пусть ниже по течению его снесёт, зато сил хватит, хотя и запыхался сильно. А когда на берег вылез, бухнулся спиной на траву, глазами в небо впился, а сердчишко того и гляди выскочит. Уже потом, когда Витёк к нему с острова назад переплыл, спрашивал Игоря:

– Чё, испугался?

– Не-е... – Не признавался Игорь, очень уж не хотелось ему выглядеть в глазах друга слабаком. – Нормально. Только устал немного...

– Не-мно-го! – Витёк понимающе хмыкнул. – Ну-ну...

Но самое интересное из того, что на острове было, это, пожалуй, протока. Она и влекла пацанов. При большой воде, она разливалась и делила остров надвое. А когда вода спадала, то русло протоки сверху острова и на выходе – пересыхало почти полностью, и образовывалась прямо посередине острова большая старица – настоящее озерцо. Туда-то они с Витьком и пробирались – бобров стеречь. Деревьев вокруг старицы много погрызено да повалено, и хатки бобровые вроде есть, да только самих бобров трудно увидеть, сильно уж осторожные зверьки.

Часами пролёживали мальчишки в засаде. Один раз им вроде даже удалось мордочку бобра увидеть, высунулся зверёк буквально на миг и снова под водой пропал, даже рассмотреть толком не успели.

Вроде и видел Игорь мордочку его, но точной уверенности не было, только поверхность воды всколыхнулась дорожкой, словно кто-то большой и быстрый в глубине пропал. А со временем и эта уверенность у него ушла, уже думалось ему, что всё привиделось. Спрашивал себя мысленно, а был ли бобёр-то?

Витька, правда божился на зуб, мол, он тоже видел морду:

– Здоровая! С клыками! Во-от такущие! – Как никак, он рядом с Игорем лежал.

– Да-а, показалось поди... – Неуверенно прожимал плечами Игорь на все восклицания друга.

– Точно г-рю бобёр это был! – Горячился Витёк.

– Был да сплыл...

– А-а-а!.. – Витёк махал рукой, чего, мол, тебе доказывать, я-то всё сам видел.

Игорь и не возражал, ну видел и видел, раз хочется так думать, не ссориться же с другом из-за такого пустяка.

Бобра он тоже увидел, правда, позже и мёртвого. Огромную тушку зверька вынесло течением прямо к их берегу, ниже деревни. Нашёл зверька отец Игоря. Они как раз с сыном ездили плавник собирать.

Леса тогда по реке ещё много сплавливали, брёвна от плотов отрывались и их на берег выбрасывало. Как раз за деревней, ниже по течению. Никакого «закона о сучках» тогда ещё не было, многие енисейцы тогда сбором плавника промышляли, наберут таких брёвен, привезут домой, распилят, вот и топится зимой есть чем. Некоторые мужики так до половины зимы запасы дров с плавника набирали.

– Игорь! – Позвал Пётр Семёнович сына. – Поди-ка сюда! Посмотри.

Игорь не сразу понял, что это отец рассматривает. А когда увидел тушку, немного растерялся:

– Чего это, пап?

– Не чего, а – кто. Бобёр – это.

– Мёртвый!?

– А ты как думаешь? Знамо дело не живой.

– Чтой-то с ним?

– Не знаю. Может случилось что, а может и кто-то... – отец замешкался немного, стараясь подобрать нужное слово. – ...Помог... Ладно, неси-ка лопату, там на телеге есть, увидишь.

– Зачем?

– Похороним бобра по-человечески... А то собаки найдут тушку, растащат. А вдруг он больной какой-нибудь...

Уже потом, дня через два, Игорь приводил сюда Витьку, показывал другу небольшой холмик, на месте, где они с отцом закопали бобра.

– Давай отроем. – Предложил Витёк.

– Дурак, что ли! Зачем?

– Посмотрим, интересно же...

– Интересно ему... Чего смотреть-то, давай лучше крест сделаем и поставим на могилку. – Примирительно сказал Игорь другу.

Они соорудили из веток ивы крест, связали их лыком, поставили. Зачем? Тогда Игорю показалось, что в этом есть какой-то смысл. Теперь, пожалуй, даже себе он бы не ответил на этот вопрос. Да и на всю жизнь запомнил, что сказал тогда отец, узнав об их, вроде бы, невинной шалости:

– Неправильно это. Зверь, все-таки, хоть и живое существо. А крест, он для человека предназначен. Он свой особенный смысл несёт...

Сказал и замолчал, мол, кто понял, тот понял. А кто не понял, тому – не суждено.

С Виктором Шрайдером они встретились в сельсовете, как ещё вчера по телефону сговорились.

Сам сельсовет – небольшое одноэтажное здание, типовая планировка с общим фойе, в которое выходят двери нескольких кабинетов и актового зала. Построено, наверное, лет сорок назад.

Впрочем, внутри всё отремонтировано, правда по старинке ещё, теперь так не делают. На стенах, снизу, наполовину панели, выкрашенные яркой синей краской, чтобы время от времени их отмывать можно было, а сверху до потолка и сам потолок побелены извёсткой. Радиаторы отопления – Игорь мельком отметил – старые, чугунные стоят. Они хоть на вид и неказистые, но, если вовремя промывать, хорошо греют. Во многих деревнях Игорь и раньше такие здания видел: и сельсоветы, и школы, и дома культуры строили тогда точно под копирку по типовым проектам.

Прямо у двери – приметы времени: санитайзер и объявление «Без масок не входить!» Отметил для себя и другое, в здании пусто, совсем никого. На одной из дверей старая табличка с надписью «Приёмная», а чуть ниже – «Глава сельского совета В.Ю. Шрайдер». Игорь уверенно открыл эту дверь, что называется «с пинка», и с порога увидел расплывающегося в улыбке Витька:

– Ка-акие люди! И без охраны! – Приветствовал Виктор.

– И вам – здарсьте! – Игорь шутливо ответил поклон. – Чегой-то у тебя здесь мёртвое царство какое-то, а, Юрьич? Где все-то?..

– Так время ж обеденное... – Витёк искренне удивился такой несообразительности друга. – Это мне делать нечего, сижу тут тебя поджидаю, а у людей дела понимаешь ли. Все по домам давно уже поразбежались...

Игорь нарочито строго глянул на часы:

– Половина двенадцатого... Понятно, поздний завтрак в администрации села Енисейское плавно перетёк в ранний обед...

– Ну-ну... Это вы там в городе с восьми до пяти... А у нас, кто рано встаёт – тому Бог даёт...

Такая манера общения была привычной для друзей, они постоянно подшучивали друг над другом. Как правило, последняя дружеская колкость оставалась за Игорем. Однако сегодня он не стал продолжать дружеское пикирование, просто спросил:

– Ну что, куда, глава?

– А давай на полянку, где бобра схоронили. Помнишь?

– А то! Давай. – Согласился Игорь. – У тебя, если что, удочки в машине есть?

– Найдутся.

Председательский УАЗ Патриот, не торопясь пробежал по селу, по дороге они с Виктором заскочили домой к другу, тот прихватил перекус, потом джип аккуратно съехал на просёлок.

– Однако здесь меньше трясёт, чем в деревне, а, гла-ава?.. – Снова начал пикирование Игорь.

– Шути, шути... Для меня это главная головная боль. Технику хозяйство наше деревенское в любой момент даст, с экскаватором и грейдером тоже проблем нет – с дорожниками на день всегда договориться можно, а вот гравий с города – не навозишься!.. Дорого, да и далеко. А у нас на кривуне взять...

– Знаю, знаю... – кивнул Игорь. – Мне уже свояк про то рассказал. На много оштрафовали?

– Хватило.

Вдруг Виктор резко тормознул и невольно выругался.

– Чего ты? Смотри, так тормозить будешь, вместе с передним стеклом точно вылетим! – Недовольно проворчал Игорь.

– Да кепка там...

– Какая ещё кепка?

– Там... проехали... у дороги лежала... наверное, Генкина...

Виктор сдал назад. Действительно в траве у дороги валялась старенькая, защитного цвета бейсболка. Вместе вышли из машины. Виктор наклонился, поднял бейсболку, аккуратно отряхнул:

– Надо будет Генку найти, кепку отдать. А то, глянь как палит! Под солнцем без «головой» плохо. Макушку напечёт, удар может случиться...

– Толком объясни, что за Генка?

– Я ж говорю, Генка-пастух. Где-то здесь коров пасти должен. Да ты его помнить должен, он, по-моему, даже с твоей Галкой – с сестрой, в одном классе...

– Куделин что ли?

– Ну да, Куделин...

Генку отыскать было нетрудно, сначала стадо увидели, потом дымок от костра... Сам Генка сидел рядом с костерком, растеряно оглянулся на них, когда подъехали.

– Привет. – Поздоровался Виктор. – Ну что, на коне скакал – кепку потерял!..

– Привет начальству. – Хмуро отозвался Генка. – Чего приехал? Кого привёз?

– Ну ты прям, как участковый – вопросов много... Сразу на все отвечать, или как?

– А чё тянуть-то, всё как есть разом и выкладывай.

Виктор усмехнулся:

– Да вот ездим по полям, чужие кепки собираем да развозим всяким ротозеям.

– Во! – Генка как будто даже обрадовался. – Правда, что ль подобрали!

– А то! Думал шутики тут с тобой шутить буду! На вот, надень, макушку продует!

– Ну спасибо, начальник! Должен буду, прям сейчас уха поспеет, вот и угощу.

– Спасибо, коль не шутишь. А мы – не откажемся, точно, Игорь? – Виктор подмигнул другу.

– Да подсаживайтесь, на всех хватит. – Кивнул Генка по-хозяйски, и принялся разливать уху из котелка в большую алюминиевую кружку и алюминиевую чашку. – Уж извиняйте, посуды другой нет.

– Да мы не гордые. – Включился в разговор Игорь. – Из такой-то посуды как-то сподручнее даже. Можно и через край попить, было бы что запивать...

И добавил, не то спрашивая, не то просто подметил:

– А котелок-то, однако, деда Матвея...

Генка, похоже, этого не расслышал, а Игорь настаивать на вопросе не стал, итак видел, что именно тот котелок, солдатский.

Виктор достал хлеб, варёные яички, огурцы, зелёный лук – всё что из дома наскоро прихватил. Неспеша разложил на белой тряпице, которую тоже предусмотрительно взял с собой:

– Мы тоже, чай, не с пустыми руками! – Достал следом маленькие металлические стопки и бутылку самогона. Разлил. – Ну, за встречу!

– Давайте. – Согласился Генка.

Выпили. Закусили.

– А вы, извиняюсь, к кому в Енисейское приехали? – Генка пристально посмотрел на Игоря. – Лицо что-то знакомое сильно...

– Ну ты даёшь! – Громко хохотнул Виктор. – Да это ж Игорь Кашин, Галкин брат! Помнишь Галку, с тобой в классе училась!

– Ёлы-палы, то-то я и гляжу!.. – Генка хлопнул себя по затылку. – Извини, не узнал!.. Вот дурная башка!

– Да ладно... – Игорь примирительно хлопнул Генку ладонью по плечу. – Все меняемся, стареем...

Чувствовалось, что Генке очень интересно пообщаться с Игорем «на новенького», вдруг что интересное скажет:

– Ты же в газете вроде?..

– Вроде.

– Вы ж всё поперёд всех узнаете. Когда эту пандемию чёртову отменят?

– Что, верхом в маске скакать не с руки? – Усмехнулся Игорь.

– Да подь она, маска, с детства не носил, а теперь уж точно не надену! – Ругнулся Геннадий. – Кюэры, опять же какие-то... Они-то зачем?

Что ответить ему в принципе. Игорь как-то задумался, погрузился в себя. Зато Виктор хохотнул над Генкой:

– Кюэры, говоришь! Так всё просто, Ген, вот раньше скотину клеймили, теперь вот коровам бирку на ухо крепят. Посмотришь на эту бирку и всё видно – когда корова родилась, сколько лет, когда привита... Вот и тебе бумажку дадут с кюэром...

– Мне!.. На ухо!.. – Генка чуть не задохнулся от возмущения.

– Ну не на ухо, на ж...пу... в смысле на лоб прилепишь, зато по всем ресторанам и циркам будешь ходить. – Примирительно сказал Виктор.

– Во-во, только в цирк нам и осталось. – Сплюнул Генка, и снова с надеждой посмотрел на Игоря, мол, ты-то что скажешь хорошего.

Игорь не торопился с ответом, невольно Серёгу Ерёмину вспомнил, их постоянные разговоры-споры об этой новой реальности. Молод Серёга и горяч, потому и рубит без оглядки правду матку, не била его ещё жизнь, как Игоря. Да, много у нас бестолковых, необдуманных решений принимается, Игорь это прекрасно и без Серёги знал. Но знать одно, а сказать всё как есть, не скажешь.

Согласен он с Серёгой и по поводу информационной агрессивности, причём односторонней, целенаправленной: всё, что признаётся официальной точкой зрения, упорно насаждается людям, как говорится нынче – брызжет «из каждого утюга», распространяя при этом среди людей вирус разрушительной информации, а инакомыслие любое, пусть оно даже аргументировано самыми что ни на есть неопровержимыми доводами, так, его вне закона разом объявят. Мало того, что на страницы печатных изданий не пускают, в сети глушат всё на корню, ещё и преследованиями грозят, вплоть до уголовного... Зачем, для чего это делается?..

– Ты пойми, пойми... – Обычно горячился в разговорах с Игорем Серёга Ерёмин. – QR-коды эти... Ведь признано уже официально, что прививка от заражения «коронай» не спасает, «смягчает» только заболевание, а значит и привитые могут точно так же на всех окружающих – и привитых, и не привитых – вирусами чихать... Зачем тогда общество искусственно разделять на привитых и не привитых этими QR-ми? Стравить людей, чтоб они друг друга поубивали?..

Особенно Игорь Серёгин аргумент со священником поразил. Как рассказал ему Ерёмин, один из батюшек – их городских – отказался исповедовать не привитого прихожанина, только потому что он не привит! Священник!.. Очень наглядно, как этот вирус информация сознание людей, далеко не самых глупых, жёстко деформирует, и явно не в лучшую сторону...

Невольно срифмовалось мысленно: «Каждый волен выбирать, жить ему или умирать...» Ключевым здесь, безусловно, виделось ему слово «волен». Или – не волен?.. Про себя улыбнулся: надо же, стихоплёт! Да, когда-то, бывало, и он стихатами баловался. Вовремя бросил, а то, глядишь, стал бы теперь каким-нибудь престарелым графоманом, которых сегодня не то, что в городах, в любой деревне – пруд пруди... Вроде и нет в том большой беды, люди искренне думают, что они нужным, хорошим делом заняты – творят! Опять же «не водку пьют»... Вроде бы... Но ровно до того момента, пока умом забронзовевать не начинают... Хорошо всё-таки, что он сам этим по молодости переболел. У некоторых наоборот к старости болезнь эта прогрессирует... Вовремя, вовремя до него дошло, что рифмовать и писать стихи – далеко не одно и то же... Ладно, как говорится, было и было, быльём поросло.

Он опять внимательно посмотрел на Генку, ждёт ведь мужик, надеется. И что ему ответить? Сказать честно, как сам понимает, что да – болезнь есть, опасная болезнь, но то, что вокруг неё раздувается невольно на мысли определённые наводит... Он сам немало думал об этом, опять же с Серёгиной подачи, как-то анализировать пытался. На проверку выходило, что кому-то очень выгодно создать ажиотаж вокруг всей этой и без того угнетающей ситуации. Ведь, при таком положении вещей, не надо никакой войны, никаких катастроф, главное зародить в людях ощущение опасности, чтобы народ реально испугался, запаниковал, и, пожалуйста, все в масках, все друг от друга по углам шарахаются... Все послушны: никаких митингов, никаких демонстраций – управляй не хочу! А если захочет кто выразить недовольство, пар выпустить, вон «ступай» – «полайкай» в соцсетях! Интернет-то, он точно – не бумага, всё стерпит. Да и приглушить соцсети при необходимости всегда можно...

Но это он так думает, это его мысли. Нужно ли это говорить Геннадию, если сам не до конца уверен. Не превратится ли он тем самым по сути своей в одного из тех, кто на него ушат обратной информации выливает? Да и ситуация теперь, сейчас не располагает – не газета же это, человеку надо ответить. В газете, если врётся, то всем сразу и не в лицо, никому в глаза не смотришь. И, большинство людей понимают и спокойно принимают, потому как знают – в газетах многое врут или, чаще, не всё договаривают. Народ у нас не настолько глуп, чтоб не понимать этого...

А здесь, Генка конкретно спрашивает, в глаза ему, Игорю, строго и одновременно доверчиво глядит... Ему правда нужна, а не чьи-то чужие сомнения. Поэтому Игорь ответил честно, насколько смог:

– Не знаю.

Видно, было, Генка несколько разочарован таким ответом. Но что сделаешь, правда она – увы! – не всегда то, чего мы ждём услышать.

Поморщившись немного разочаровано, от того, что не получил должного ответа, Генка перевёл разговор непосредственно поближе к костру:

– Да вы уху-то прихлёбывайте, прихлёбывайте... Рыбку берите! – Рыбу, окуньков и чебаков, Геннадий предусмотрительно разложил на единственной тарелке. – С утра наловил, здесь на кривуне.

– А помнишь, здесь, где коса теперича, раньше ямы были. – И Виктор тоже решил перевести разговор в другое русло, предусмотрительно разливая по второй. – Лещей каких здесь ловили, а!..

– Да-а, было... – Задумчиво согласился Генка.

– А коров-то на лугу по сколько пасли раньше!..

– До сотни стадо доходило... – Геннадий почесал затылок.

– А сейчас сколько?

– Двух десятков нет...

– Да-а... Было...

Дошли и до бобра, которого Игорь с отцом здесь похоронили. Его помянули молча, не чокаясь.

– Эка, вспомнили! Бобров на острове давно нету... – Вздохнул Генка.
Уже начинало темнеть. Костёр догорал, а воспоминания у них не заканчивались.
– А помнишь!.. Нет, а ты помнишь!.. – То и дело откликалось эхо далеко в бору за рекой.

«Эх, хорошо-то как! – думалось Игорю. – Правильно он всё-таки сделал, что вырвался сюда, на родину, вот и в доме родном побывал, и у бати на могилке прибрался, и с родными пообщался – с мамой, с сестрой, со свояком... Теперь вот сидит он здесь – на берегу с друзьями, и хорошо, душевно ему теперь. То ли от воспоминаний этих, то ли от воздуха лёгкого, пьянящего, вечернего. Рекой, вот, пахнет, разнотравьем с луга доносит, костром... В сумерках отчётливо слышно, как вода журчит через камешки, на кривуне чуть выше по течению, а иногда рыбина где-то плеснётся у дальнего берега. Эх, завернуть бы теперь всё это как остатки еды в чистую тряпицу да с собой забрать, чтоб навсегда. Вместо той каждодневности, которая сегодня всех давит и гнетёт через заражённое мировое информационное поле... Вот эти – реку, луг, костёр... Да только сделать это надо было наверное гораздо раньше – ещё тогда в детстве, а теперь, вроде и не поздно ещё, но всё меньше и меньше этого вокруг нас... Заберёшь, что детям останется?»

3. Листок мать-и-мачехи

– Эх, Мари, Мари... *Rasselbande*¹! Что ж ты за Эльзой-то не смотришь. – Ругается мама. – Смотри, сестрёнка вся в грязи измазалась! Где ж теперь её одёжку стирать-то?!

Мать хмурится, с укором смотрит на дочь, вытирает пальтишко младшей сестрёнки Эльзы не то тряпкой, не то полотенцем, первым которое подвернулось ей под руку в кучке вещей, сложенной в их тележке.

Мария-то знает, это коршуны виноваты, не она. Там, высоко в небе кружат они стаей, а один сложил крылья да камнем рухнул прямо в поле, подхватил что-то маленькое совсем, наверное, мышку-полёвку, Марии и интересно разглядеть – что же это, но – далеко, нипочём не увидишь. Заевалась, ненадолго отвлеклась от сестрёнки, а та возьми да сядь прямо в лужу на дороге.

Марта снова сетует на дочь:

– Эх, Мари, Мари!.. *Rasselbande*¹!

Она бросает взгляд на дочь, замечает, что маленькая Мария уже едва сдерживает слёзы. Девочка чувствует свою вину... и обиду на маму – чего она ругается, ведь она не нарочно же!

Пытаясь сгладить неловкость, Марта пытается пошутить, чтобы успокоить дочь, говорит, как бы нарочито обращаясь к младшенькой – Эльзе, при этом сама украдкой поглядывает на Марию:

– Ну что малыш, *War ein kleiner Schwarz, wurde ein kleines Schwein*²...

Мари хочется рассмеяться над этими мамиными словами, но желание зареветь от обиды больше, да и слезы, они словно сами брызгают из глаз во все стороны, Мария усилено ладошками растирает их по лицу, плачет и улыбается одновременно, прижимаясь к маме и к младшей сестрёнке.

– И-ы-ы... – громко всхлипывает она в мамину телогрейку.

– Ну что ты, что ты, Мари! – Мама одной рукой гладит волосы старшей дочери, второй бережно прижимает к себе младшенькую.

Вот уже второй месяц как бредут они вдоль железной дороги, соединяющей далёкую холодную Сибирь с их родным саратовским Поволжьем... Десятка полтора депортированных прошлой осенью из Марксовского района немецких семей. Вопреки всем обстоятельствам, повинувшись обычному инстинкту самосохранения, люди эти решили вернуться на родину. Странно, но, когда весной они ушли из земляночного городка, где

¹ Растяпа (немец.)

² Была маленькая грязнуля, стала маленьким поросёнком (немец., здесь наблюдается игра слов: фамилия Schwarz дословно переводится на русский язык, как чёрный).

им стало уже невоготу от холода, голода и постоянно гнетущей неизвестности, – никто не хватился их, никто не кинулся разыскивать, даже НКВДшники, под чьей «чуткой заботой» и пристальным вниманием они находились последние полгода. Хотя, с другой стороны, вполне понятно, что нынче просто не до них, никому. Да и мало ли людей пропадает сегодня без вести, просто и обыденно. Война...

Бредут они, кто с вещмешками, кто с небольшими самодельными тележками, такими, как у Марты Шварц, в которых сложен нехитрый домашний скарб, одежда, запасы еды, словом, всё, что они смогли собрать худо-бедно с собой в дорогу; бредут разрозненной вереницей, которая растянулась вдоль рельсов километра на полтора, впрочем, стараясь сильно не отставать от всех, а если кто-то и останавливается по какой-либо причине, передние, заметив это, ждут отставших. Понимают, всем вместе в дороге держаться безопаснее...

Марта со всеми подробностями помнит, как их с мужем Эммануилом, с восьмилетней Марией, осенью 1941 года вместе с тысячами других немцев вывезли в экстренном порядке из Маркштадта. Никто тогда не успел даже осознать, почему? Что происходит?

С давних времён и родители, и деды, и прадеды – и Марты, и Эммануила жили в немецкой республике, на берегах Волги. Предки Эммануила поселились там с самого основания, ещё с далёких времён Екатерины II, когда в 1765 году в Поволжье возникло поселение Екатериненштадт, основанное немецкими свободными колонистами. В основном мастеровыми и ремесленниками, приглашёнными бароном Фредериком Борегард-де-Кано, выходцем из Брабанта. Наверное поэтому, слободу в разговорах про меж собой переселенцы часто называли Баронском. А в первой четверти XX века город, в угоду времени... или в угоду истории, был переименован из Екатериненштадта в Маркштадт. Родственники Марты были родом из соседней слободы Беккендорф, находившейся километрах в семи от Баронска. Слободу в начале XX века тоже переименовали на русский манер в село Берёзовку.

После свадьбы, молодые – Эммануил и Марта – вплоть до самого начала Великой Отечественной войны, счастливо и беззаботно жили как все советские люди. После школы учились в Маркштадте, потом, получив профессию, честно работали на предприятиях города: Эммануил – на стройке, Марта трудилась на хлебозаводе. А в 1933 году у них родилась дочка-первенец – Мария...

Спустя два месяца после начала Великой Отечественной войны, в вышедшей 28 августа 1941 года газете обкома ВКП(б) и Верховного Совета республики немцев Поволжья люди прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в Сибирь и в Казахстан. Написанному поверили как-то не сразу, слишком уж неожиданно и скоропостижно было это известие. Но никто с поволжскими немцами шутить не собирался, тем более НКВД. И в течении месяца указ был приведён в исполнение.

Запомнился Марте и тот страшный сентябрь. Когда им всем в 24 часа было велено погрузиться на пароходы, стоявшие в Маркштадте на волжской пристани. Их с семьёй вывезли из Маркса сначала в Саратов, а уже там людей набивали битком в товарные вагоны, ранее использовавшиеся для перевозки скотины, грязные, пропахшие навозом. На всю жизнь запомнился им этот густой, застоявшийся, выедающий глаза навозный дух, и не удивительно, – слой навоза вперемешку с соломой покрывал весь пол и, казалось даже, что доски, из которых были сделаны стенки вагонов были тоже насквозь пропитаны навозным запахом. А внутри переселенцев ожидали наскоро сколоченные двухэтажные полки-нары.

Взрослые теснились в нижнем ярусе, прижимаясь друг к другу, а наверху были свалены вещмешки и узлы, там же, промеж вещей ютились многочисленные ребяташки. Вещей с собой в дорогу много брать не разрешали, на человека депортированным разрешалось взять один узел не более шестнадцати килограммов. Однако людей в вагоны

набивали настолько плотно, что верхний ярус был завален узлами практически полностью.

На самих нарах не было ни постелей, ничего – лишь голые доски да солома. Поэтому находиться сверху было даже удобнее, можно было прикорнуть, согнувшись «калачиком» на вещах, и ребяташки охотно пользовались этой возможностью. Взрослые в нижнем ярусе сидели прижавшись друг к другу, спать здесь было практически невозможно, разве что прикорнуть друг у друга на плече...

Куда их везли, сами «пассажиры поневоле» узнали только на месте, когда их всех выгрузили прямо посередине голого поля и приказали: «Обустроивайтесь!» В степи, простиравшейся на десятки километров вокруг до самого горизонта, насколько хватала взора, не видно было никакого даже малого намёка на какое-нибудь подобия жилья. А самым ближайшим городом, как им объяснили, километров за сто от места их выгрузки, был большой сибирский город Новосибирск. Там находилась спецкомендатура, к которой все высланные были приписаны. Но город этот казался для них тогда таким же далёким, как и их родное Поволжье.

Однако надо было как-то обустроиваться, и люди стали копать ямы. Укрывали их на скорую руку жердями, которые вязали тыном, это плетение из веток кустарника густо промазывали глиной, а сверху, когда глина подсыхала и становилась твёрдой, засыпали слоем земли. Такие «строения» помогали хоть как-то защититься от пронизывающего до костей ноябрьского ветра. В подобной яме-землянке ютилось сразу по нескольку семей, каждая в своём углу. Впрочем, были в этой тесноте и свои преимущества, воздух в ямах от дыхания полтора десятка людей нагревался быстро, и ноябрьская стужа с холодным проникающим ветром в землянках уже не так чувствовались.

Впрочем, снаружи на улице вокруг этих строений-ям, больше похожих на медвежьи берлоги, по утрам сильно подмораживало, на засохшей траве по земле образовывалась сплошная толстая корка льда, и люди старались выходить из землянок только по крайней необходимости. Кто-то прямо в землянках рыл боковые норы, устраивал что-то наподобие лежанок, земля ещё не успела промёрзнуть в глубину и, с трудом, но поддавалась. А оборудовав такую лежанку «матрасом» из сухого бурьяна, человек мог даже чувствовать себя относительно комфортно.

Согревались, кто как может. В первые же дни Эммануил соорудил у себя в землянке самодельное подобие «печки»: вырыл в стенке нору – под топку, над ней из камней и глины соорудил некое подобие печной плиты, на неё даже можно было поставить котелок, чтобы вскипятить в нём воду. А сверху – с улицы к топке он пробил вертикальную дыру-«трубу», чтобы через неё из землянки вытягивало дым наружу. Позже многие, за неимением лучшего, по его примеру сделали такие же «эммануиловы» печки, которые, надо отдать им должное, неплохо прогревали воздух в помещении. Конечно, тяга в таких самодельных печках была, мягко сказать, никакая, потому внутри было сильно задымлено, и обитателям ям-землянок время от времени, приходилось открывать входной полог, сделанный из какого-нибудь старенького одеяла, и проветривать внутри, чтобы не угореть от дыма.

Топили, кто чем может. В ход шёл кустарник, какие-то обломки от вагонных нар, которые от щедрот НКВДшного начальства разрешили им взять как строительный материал. Кто-то укреплял этими досками крышу землянок, но большинство всё же использовали их как дрова.

Мужчин, которые были способны работать, почти сразу стали распределять в трудлагеря. Как правило, депортированных направляли на самые тяжёлые работы по лесозаготовке, где переселенцы и летом, и зимой – в любую погоду валили лес для строительства новых корпусов для размещения многочисленных эвакуированных предприятий. Заводы, выпускающие стратегически важную для военного времени продукцию, эвакуировали в Сибирь – с Украины, из Центральной России – десятками, даже сотнями.

Не избежал участи трудармейца и Эммануил, его отправили на лесозаготовки почти сразу, в середине ноября. И теперь Марте приходилось одной выживать уже с двумя ребятишками. Младшая Эльза родилась в конце декабря здесь же, в землянке, уже после отъезда мужа. Роды принимала немка-акушерка, приехавшая с ними одним этапом из Маркса. Печально, что Эммануил маленькую Эльзу увидеть так и не успел, буквально через месяц после его отъезда в трудармию Марта получила горькую весть, муж на лесозаготовках сильно простудился, заболел и умер. Похоронили его где-то там в тайге. От сильных переживаний по поводу смерти мужа у Марты случились преждевременные роды, и Эльза родилась недоношенной – семимесячной.

Зима далась переселенцам очень трудно. Запаса продуктов с собой у них было в обрез, многие не успели взять даже тёплую одежду и обувь. Благо, никто их особо не «опекал», так, приезжал время от времени кто-нибудь из местных НКВДэшников, видимо, чтобы просто убедиться, что переселенцы ещё живы. Да и понятно, никак не до них властям было в первые годы войны. Для охраны земляночного лагеря не было ни людей, да и особого смысла в этом местные власти не видели, рассудили так, мол, куда зимой из Сибири они денутся, бежать – себе дороже, замёрзнешь где-нибудь в степи. Словом, кому суждено выжить, тот выживет...

Женщины-переселенки, которые с детьми ещё оставались в лагере, чтобы как-то обеспечить пропитание, ходили по соседним деревням вместе с ребятишками – собирали милостыню, кто что подаст. Чаше люди жалели их, делились продуктами, старенькой одеждой, но были и такие кто косился зло, мол понаехала тут немчура. Да и слухи разные ползли, говорили, что в Сибирь вывезли с Поволжья в основном замаскированных шпионов и диверсантов. Глупость, конечно, стоило посмотреть на этих изнеможенных, полуголодных женщин и ребятишек, сразу становилось понятно – какие из них шпионы и диверсанты, но некоторые из местных всё равно смотрели на них насторожено, с некой опаской.

Иногда жители земляночного городка отпускали в соседние сёла за «прокормом» и одних ребятишек. Помнит Мария как к Рождеству она с соседским мальчишкой Эрихом, который вместе с матерью жил с ними в одной землянке, принесли после одного из таких походов большущий, как тогда всем показалось, кусок свинины. Ещё перед тем, как ребятам идти побираться, мама Эриха наставляла их, мол как услышите, свинья где-то за оградой визжит, туда и стучите, наверняка это хозяйка к празднику свинью колдует.

Так и получилось. У одной избы за глухой высокой оградой услышали они визг, который доносился со двора. Калитку им открыл хмурый бородатый мужик в лохматой меховой шапке. Спросил:

– Чё, малыё, надо?

Мари как-то ступевалась его сурового вида, опустила глаза. А Эрих, который не знал по-русски практически ни одного слова, стал объяснять незнакомому дядьке цель их визита на родном языке:

– Onkel, bitte geben Sie etwas zu essen, wir sind sehr hungrig³...

– Чего, чего ты лопочешь?.. – Бородатый сделал ещё более грозное лицо и, не менее грозно, шагнул в их сторону. – А ну пошли отсюда! Ишь, немчура!..

Эрих испуганно хотел сделать шаг назад, но попал ногой в канаву, оступился, упал и с испуга... предательски пукнул. Бородатый усмехнулся, совсем уже не зло, осуждающе покачал головой и выдохнул:

– Ну-у ты – свинья...

Услышав в речи незнакомца знакомое слово, которое мама говорила, наставляя их, Эрих сразу заулыбался и согласно закивал головой:

– Во, во, свинья, свинья...

³ Дяденька, дайте пожалуйста что-нибудь поесть, мы очень голодны... (немец.).

Задумчиво помолчав, мужик почесал затылок под шапкой, видимо что-то сообразил:

– Голодные что ли? – Призадумался, потом махнул им рукой, указав на место перед калиткой. – Здесь ждите...

Минут через десяток он вынес ребятишкам большой кусок мяса, отрезанный от свиной ляжки, аккуратно завёрнутый в чистую белую тряпицу:

– Вот, возьмите. Мамке отнесёте... Нем-чу-ра.

В то Рождество в их землянке был настоящий праздник, вверху на улице завывала вьюга, переметая вокруг все натоптанные тропинки, а в печке, вырытой в глиняной стене, потрескивали дрова, дым бойко улетал из неё наружу, и по всей землянке запах дыма перебивался ароматом наваристого настоящего мясного бульона...

Ближе к весне жительниц земляночного городка НКВДэшники начали расселять по сёлам. Кому-то повезло больше, в основном это были медики, учителя – люди тех профессий, которые в ту пору в деревнях были в дефиците, их, как правило, направляли на работу в то или иное село, там определяли на квартиру к местным жителям, кого-то селили в бане у хозяев, но и такой вариант был тоже лучше, чем ютиться в землянке.

А несколько семей, которые ещё оставались в земляночном городке без особой надежды на расселение, решили вернуться на родину. По всей России ещё вовсю гремела война, люди жили трудно. Но здесь, вдали от родной земли, от Волги – оставшимся в земляночном лагере становилось совсем невыносимо. Попрошайничество этим людям, привыкшим за всю довоенную жизнь честно зарабатывать на свой кусок хлеба, и самим становилось в тягость, а устроится куда-то на работу здесь, в Сибири, тем более, когда шла война, и к немцам в основном было крайне негативное отношение со стороны местных властей, было пределом мечтаний.

«Wir werden alle hier sterben! – Не раз приходилось слышать Марте от соседей. – Es ist besser, dorthin, in die Heimat, an die Wolga zurückzukehren!⁴»

В конце концов, горькая чаша терпения людей достигла предела, они просто собрались, и пошли. Это «шествие» было неким жалким подобием кочующего цыганского табора. Обычно табор представляется большой шумной кочующей толпой – с лошадьми, с телегами, с шатрами для ночёвки. Здесь ничего подобного не было и в помине, кроме вещмешков за плечами, да примитивных самодельных тележек, на которых люди везли нехитрые пожитки да маленьких ребятишек.

Однако, наверное, сам Господь Бог был благосклонен к ним, сохраняя их в дороге. И они шли пешком, вдоль рельсов, по шпалам – чтоб не сбиться с пути, почти два года ночевали в степи, в лесах, и не раз слушали со страхом как ночами вокруг их привалов выли в лесах волки, которых особенно много народилось в те годы. По ночам люди жгли костры, дежурили по очереди, чтобы отпугнуть хищников, да и недобрых людей, коих вокруг по тем временам случалось не меньше, чем хищников. А утром люди опять поднимались, и снова упорно шли на запад вдоль железной дороги.

Питались в пути чем придётся, опять же просили милостыню по городам и весям, по станциям, по эшелонам, особенно по военным, которые нескончаемым потоком шли и в Сибирь с фронта, наполненные ранеными бойцами, и из Сибири – с техникой и людьми – на фронт...

Их жалели, особенно детишек, делились продуктами, в деревнях жители отдавали какую-то одежду, обувь, чаще всего это были вещи родственников, которые в это время либо воевали где-то на фронтах, либо тех, на которых уже пришла похоронка...

Всякое бывало. Но однажды Марта очень сильно перепугалась за ребятишек. Обыкновенно на станциях Мария с другими детьми ходили по эшелонам, пели солдатам песни, как говорила Марта «побирали милостыньку».

⁴ Перемрём мы здесь все! Лучше уж вернуться туда, на родину, на Волгу!

Как-то раз, Мария решила взять с собой маленькую Эльзу. Станция была рядышком с местом их привала, и Мари с сестрёнкой быстренько перекарабкались через железнодорожную насыпь, и подошли к первому же стоявшему на путях эшелону. Видимо он шёл с фронта, потому что рядом с крайней теплушкой девочки увидели раненых, которые спустились из вагона на насыпь покурить.

– Дяденьки, давайте мы вам песенку споём! – Предложила Мария.

Детский голос Марии звучал трогательно и проникновенно, и бойцы с удовольствием слушали её. А Эльзе, видимо, тоже не хотелось ударить в грязь лицом, она старалась подпевать старшей сестре, иногда сбивалась с такта, отчего дуэт их выглядел ещё трогательней, и раненые бойцы доставали из вещмешков и щедро делились с девчонками продуктами, которые полагались им по пайке – хлебом, сахаром, тушёнкой – видимо вспоминая своих, оставшихся дома, таких же малышей.

Когда «концерт» уже почти заканчивался к ним подошёл офицер, тоже из раненых. Как-то очень пристально взглянул на маленькую белокурую Эльзу, взял её на руки и вздохнул:

– Ах, как же ты, малышка, похожа на мою дочку!

Достал из вещмешка сахар, шоколад и протянул Эльзе. Спросил:

– Поедешь со мной?

Маленькая Эльза зачарованно посмотрела на подарки, потом на дядю, и доверчиво ответила:

– Поеду!

Мари, сильно испугалась тогда. Глядя на это, она вдруг представила, что сейчас этот дядька в погонах увезёт с собой её сестрёнку и она больше её никогда не увидит. Она сильно разревелась, глядя на офицера:

– Дяденька, дя-день-ка, не увозите, пожалуйста, мою сестрёнку. Мама ругаться будет!..

Глядя на старшую сестру, разревелась и Эльза. Офицер внимательно посмотрел на Мари, на Эльзу, конечно же он не хотел перепугать девочек, получилось всё случайно, само собой:

– Да ты не бойся, девочка, я просто подержу твою сестрёнку...

Расчувствовавшись, он рассказал девочкам, что сам он родом из Ленинграда, и у него в блокадном городе под бомбёжкой недавно погибли жена и такая же маленькая белокурая дочка. Даже фото показал.

Мария с удивлением разглядела, как этот большой военный, рассказывая про свою семью, как-то сгорбился, сжался, а по щекам у него начали стекать слезинки. Прощаясь, он отдал девчонкам все продукты, которые были в его вещмешке.

Мари растерялась, не хотела брать:

– А как же вы... вы дяденька... как поедете?

Но он настоял:

– Берите. Я, почти приехал.

Офицер грустно улыбнулся, погладил ещё раз на прощание Эльзу по кудрявой белокурой головке и помахал им рукой:

– Ну-у... Бегите к мамке, а то и взаправду ругаться будет.

Когда они вернулись домой, Мари рассказала маме про этого доброго дяденьку, которого ей действительно стало очень жалко, особенно, когда тот заплакал. Но ещё больше она распереживалась из-за того, что у него погибла маленькая дочка, похожая на Эльзу.

Марта нахмурилась тревожно, посмотрела на дочерей очень строго, и наказала Марии, как старшей:

– Чтобы больше по эшелонам не ходили! Увезут вас, а я и знать не буду куда...

Это странное двойное ощущение родины не покидало Виктора Шрайдера с самого детства. С одной стороны – будто тёплые материнские руки согревали его эти сибирские просторы, этот дурманящий воображение своими разнотравными ароматами луг под косогором, величавый сосновый бор, тянувшегося вдоль речки, да и сама сибирская река, завораживающая своей мощью, такая родная, ведь здесь, именно здесь прошли его детство и юность...

С другой – немцев, депортированных с Поволжья в первые годы войны, в Енисейском осело очень много, и частенько мальчишка слышал ностальгические рассказы стариков-переселенцев о той, настоящей прародине, откуда когда-то привезли этих людей сюда, в Сибирь, против их воли в грязном товарном вагоне...

Наверное, каждый человек, хоть раз в жизни задаётся подобным вопросом: а что, собственно, для него, есть его родина, с чего она начинается? Не пафосно, не напоказ задаётся, скорее, из какой-то внутренней потребности понять что-то для себя, определиться, как ему жить следует, какому богу молиться, от какой печки плясать... Несмотря на кажущуюся вроде бы очевидность, ответить себе на этот вопрос не так-то просто.

...Да, с одной стороны, это его воспоминания, которые возвращают в те укромные уголки Витькиной памяти, откуда струится лёгкой рассветной туманной дымкой этот тонкий, согревающий душу свет.

Вот вдруг, словно рядом звонко треснет в костре полешко, искры от огня вверх взлетают, рисуют мгновенные огненные чёрточки в огромном массиве тёмного ночного воздуха. Вот где-то совсем поблизости, чуть выше по течению, там, на кривуне, услышит Витька, как журчащие струйки воды камешки ласкают. А здесь, прямо напротив костра, поперёк гладкой поверхности реки, что плавно в темноту уходит, огненная дорожка от костра вдаль тянется, туда – чуть ли не до самого острова, на середину течения.

Вслушивается Витька в ночные звуки, чутко, внимательно вслушивается, затаив дыхание, совсем как в детстве, когда они сюда на рыбалку ходили, с ночёвкой. Втроём. Он, закадычный его дружок – Игорь Кашин, Генка Куделин, да бывало ещё иногда из младших пацанов кто с ними подвяжется. Была у них тогда и – своя! – корчажка из прутьев ивняка плетённая, её тогда Генкин дед мальчишкам отдал. Сам-то не рыбачил давно, возраст, поясница опять же... И лодку дед Матвей забросил, вон она на берегу напротив его дома лежит, не смолил днище года три как, опусти эту лодку на воду, скорее всего потечёт днище...

А корчажка?.. Чего же ей зря лежать, пусть вон пацаны рыбачат, с детства привыкают добычками быть. Хорошо помнит Витька, вот здесь, в омутке, что рядом с серебряным ключом она, корчажка, у них постоянно и стояла. Они её время от времени проверяли да прикорм меняли. А добычу – рыбу, которая в корчажку набивалась, обычно по очереди домой забирали. Делили «по справедливости»: один день – Генка домой несёт, на следующий – Игорь, потом – Витька. Споров про то, сколько попало в какой из дней, вроде того – «а у тебя вчера больше было!» или «зато у тебя смотри, какая шучина!» – особо про меж них не случалось, тут уж как кому повезёт. Как Генкин дед Матвей говорил в таких случаях: «Уж тут кому сколь Бог дал»...

Когда собирались на реку с ночевкой, Генка обязательно брал с собой котелок старенький солдатский, тоже деда Матвея; чашки да ложки из дома каждый сам по себе брали, чтоб уху хлебать, хлеба краюху, чтоб было с чем хлебать, да кружки, а то ведь – какая ж ночёвка без настоящего травяного чая!

Воду набирали они в серебряном роднике, который здесь же прямо из глинистого косогора наружу пробивался, давая исток небольшому ручью. Ручей тот чуть выше по течению в реку стекает, вода в нём чистая, на вкус приятная, с едва уловимым привкусом будто металлического холодка. Говорили, будто целебная вода эта, что проистекает родник из большого озера, которое прямо под деревней глубоко под землёй лежит. А границ того озера никто никогда не мерил и не знает. Вот пробило здесь, в одном месте

выход из него на поверхность, теперь и течёт этот родничок – на радость всему живому, да на пользу деревенским людям.

И жители местные исстари все из этого родничка воду набирали: специально к источнику пешком ходили, а кто и на телегах приезжал, привозили оттуда воду домой полными бочками, с запасом. Для готовки брали, в конце концов, чтоб просто попить – вода та хранилась месяцами, не портилась. А кто-то и на засолку овощей её использовал, говорили, что, если овощи или грибы в кадучке с такой водой засолить, долго не закиснут. Позже, когда мода на овощи маринованные в банках пошла, так тоже с серебряной водой делали. Банка, закрученная с таким рассолом из родниковой воды, хорошо стоит, долго не взрывается.

Ещё поговаривают – правда, нет ли, Витька не знает – что один ихний деревенский мужичок сильно с молодости глазами страдал, так он каждый Божий день ходил к источнику умываться, а вот уже как несколько лет – выздоровели у него глаза, болезни как не бывало. Витька сам его встречал, взгляд у мужика действительно ясный и светлый стал, как с иконы.

Позже, годах в 70-х XX века, к роднику учёные из города приезжали, взяли ту воду на анализ в лабораторию, говорят – опять же, правда, нет ли – определили в ней большое содержание серебра и немного радона. А после, в 80-х уже, построили рядом с селом большой санаторий, пробрили там скважину до самого подземного озера, стали из него воду наверх качать, да лечить различные урологические заболевания.

Вот на этой воде мальчишки чай и заваривали. А заварка, так вот она, вся здесь: сорвал с куста несколько листиков смородины, благо она неподалёку растёт; немного душицы нащипал, зверобой – это чуть подалее на лугу, что под горкой от реки тянется, там этого добра завались; а чуть поближе к косогору, что к лугу спускается мать-и-мачеха жёлтым цветёт. Цветок у неё хоть и жёлтый, однако не такой, как у зверобоя – Витька их с детства различал – у зверобоева соцветия лепестки разрозненные, каждый сам по себе вразной торчит, а у мать-и-мачехи они в одном цветке – тонкие, вытянутые, собранные в плотный бутон.

А откуда знает, так не раз вместе с мамой на луг ходил – травы ей помогал на зиму набирать: и зверобой, и душицу, и, конечно, мать-и-мачеху. Сушили обыкновенно всё в доме, в закутке за печкой, небольшими пучками развешивали. Потом мама все травы каждого сорта по отдельности в мешочки полотняные раскладывала. Зверобой в один мешочек, душицу – в другой, пустырник – в третий, да – на полати... А зимой его от кашля травяным отваром мать-и-мачехи с душицей поила, иногда ещё немного пустырника туда добавляла – для сна. Выпьешь такого отвара, и вся простуда из груди вместе с кашлем за один вечер выйдет. И спишь ночью крепко, как младенец, а поутру здоровым уже просыпаешься.

Конечно, все травы по-своему интересные, но мать-и-мачеха, она – особенная, Виктор ещё в детстве приметил, трогаешь её листок, с одной стороны, той, которая гладкая – будто какая-то прохладца пальцами чувствуется. А другая сторона, внутренняя, которая бархатистая, – она тёплая, нежная, приятная на ощупь. Листок один, а ощущения разные, недаром она – и мать, и мачеха...

Вот так иногда и Витькины мысли, независимо от него, забирались и совсем в иные уголки памяти, куда не очень хотелось бы: печальные и горькие, и совсем уже не свет струился оттуда, а какая-то неизбывная внутренняя обида, не совсем ясная ему, но вполне ощутимая.

Если следовать логике Генкиного деда Матвея, Витькиному отцу Адольфу Шрайдеру, – Бог не так уж много отмерил. Даже полвека на земле не протянул. Когда Адольфа с Марией выслали в Сибирь, им лет по двадцать всего было. Можно сказать, только семьёй жить начинали. Вместе со всеми их поначалу в голой алтайской степи выгрузили, недалеко от станции Калманка. Ни деревца, ни кустика. Степь. Ветер

пронизывающий. А у них – ни одежды тёплой, какие запасы еды с собой были, так – то всё давно в дороге подъели... Однако куда деваться, как могли обустроились. Опять же, всё не слава Богу, и в новой землянке недолго им пожилось, Адольфа почти сразу увезли в трудармейский отряд на обслуживание Чуйского военизированного тракта, а Марию – мамку Витькину, спецкомендатура сюда – в Енисейское направила. Рабочих рук в колхозе в ту пору не хватало, многие мужики на фронт ушли, одни бабы да ребятишки за всех работали.

Всю войну жила Мария на подселении в одной крестьянской семье, как и большинство женщин с села, в годы войны от рассвета до темна трудилась она на ферме скотницей. Справедливости ради сказать, хозяева, у которых она подселении была, жиличку не обижали – жалели, столовали даже, да и она в долгу не оставалась, за детьми хозяйскими присматривала, да по хозяйству что помочь – никогда не отказывала...

Её Адольфа из трудармии комиссовали сразу по окончании войны. Подчистую. По причине подорванного в тяжёлых работах по ремонту Чуйского тракта здоровья. Помнит Мария, она как раз хозяйке на дворе помогала убираться, мусор, которого с зимы много в ограде поднакопилось, сгребали в кучи, да выносили за дом в овраг.

Как Адольф зашёл – она не сразу увидела, а увидев, сначала даже и не поняла, что это он её благоверный у калитки стоит. Худой, лицо почерневшее, морщинами как тропинками всё поперёк изрытое – весь чужой, незнакомый какой-то мужик. А он её сразу узнал, столько раз вспоминал там, в трудлагере. Устало улыбнулся, быстро, но внимательно окинул взглядом двор, словно обстановку оценил, и спросил шутливо:

– А что, хозяйюшки, не помочь ли чего? А то так есть хочется, что переночевать негде...

Мария ещё долго не могла поверить своему счастью. Подбежать, обнять мужа... да от волнения силы словно куда-то ушли, только в груди часто-часто забилося – тук-тук-тук... Она присела на завалинку у дома и негромко, по-бабьи заревела.

– Ну ты чего, чего? – Адольф присел рядом с ней, обнял за плечи. – Я же это, я... Видишь, как есть – я, живой...

А она уткнулась в него и трогала, трогала – его лицо, руки, и повторяла, повторяла: – Живой... Живой...

Чуть более пятнадцати после этого прожила она со своим Адольфом, болел он все эти годы сильно, и в конце концов болезнь, честно заработанная, взяла своё. Мужа она схоронила, но память о нём – маленький Виктор, её радость, её киндер, который появился незадолго до смерти мужа, – стал для неё главным смыслом жизни.

Вырастить его, выучить, поставить на ноги – ради этого до самой старости так и горбатилась на ферме. Да, труд тяжёлый, хотя иногда ей казалось, что с коровами проще договариваться, чем с людьми. С ними если уж совсем сильно тяжко и поговорить можно, и на долю свою горькую бабью пожалиться, они тебя, по крайней мере, всегда выслушают, и слова твои никому не передадут.

Слёзы – слезами, ими, как говорится, делу не поможешь. Спустя какое-то время к Марии посватался коренной енисеец Юрий Щербатов. В своё время парень вернулся с войны героем, как говорится – «грудь в крестах»: выходной пиджак с солдатскими медалями Славы двух степеней, да медаль за взятие Праги с гордостью надевал в клуб на все колхозные торжества. Но как-то долго холостяком ходил, видать пары достойной среди местных девчат никак присмотреть не мог.

А тут, как-то раз, на одном из первомайских собраний, председатель вручил Марии благодарность от правления, как передовой доярке. Тогда-то Юрий и обратил на неё внимание. Ну и без лишних ухаживаний подошёл к ней, мол ты одна, я – один, чего бы вместе не попробовать.

Не сказать, чтобы Мария полюбила его очень, память об Адольфе ещё – вот она – рядом – Витюшка сынок; но и противится сильно его ухаживаниям не стала. А что, Юрий во всех отношениях приятный, работающий, дом вот свой строить начал рядом с

родительским, опять же Витюшке твёрдая рука не помешает, чтоб слушался да мужиком рос, ей-то одной с мальчишкой трудно управляться, да и если рассудить здраво, не век же теперь одной куковать...

Когда в сельсовете с Юрием расписывались, Мария паспортистку подговорила, чтоб отчество её сыну – Юрьевич записали, по отчиму. Конечно, пришлось отблагодарить её, паспортистку эту, несколькими специально заколотыми по этому случаю курами и большим куском свежесбитого масла. Но чего не сделаешь ради родного-то ребёнка, пареньку скоро в школу, и чтобы пацаны его там из-за отчества не задразнили, пусть лучше Юрьевичем будет. А то ведь у них, у ребятишек так, один по недомыслию Адольфом или чего ещё хуже Гитлером обзовёт, другие подхватят, потом прозвище надолго прильнёт, сразу не отмоешься. Но фамилию сыну Мария всё же по отцу оставила – Шрайдер, в память о своём Адольфе.

Впрочем, беспокоилась она за Витюку видимо зря, паренёк рос спокойным, неконфликтным и трудолюбивым – и ей по дому всегда помогал, и с новым её мужем хорошо ладил, правда, отцом не называл, так и не привык – всё дядя Юра да дядя Юра – но в остальном отчима во всём слушался.

С учёбой у Виктора тоже всё нормально было: учился хорошо, особенно историю полубил, которую преподавал им Пётр Тимофеевич Кашин, отец его школьного дружка. А в старших классах Виктор всерьёз увлёкся этим предметом, причём особенно тем, что было связано с республикой немцев Поволжья, и вообще историей появления немцев в Сибири.

Именно от Петра Тимофеевича узнал он много интересного. Учитель, специально для него в городском архиве сделал копию Манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают...»

Пётр Тимофеевич с выражением, делая смысловые ударения в тех местах, которые, как казалось ему, нужно было особо выделить, читая пареньку текст этого документа, пытаясь передать смысл, через ощущение «вкуса» написанного:

– Нет, ты только послушай! Послушай, как тут: «...Мы, ведая пространство земель Нашей Империи...». Чувствуешь, «ведая пространство...»

Учитель увлечённо продолжал:

– «...усматриваем наивыгоднейших к поселению и обитанию рода человеческого полезнейших мест... из которых многия в недрах своих скрывают неизчерпаемое богатство разных металлов; а как лесов, рек, озёр и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и протчих заводов способность великая...»

Потом, после небольшой паузы, чтобы дать пареньку осмыслить услышанное, он снова продолжал свой урок-чтение:

– Понимаешь, «способность великая»?.. А в указе 1765 года о межевании земель для колонистов будущего Екатериненштадта говорилось, мол, необходимо «выбрать из празднолежащих земель удобное к поселению место, мерою не менее определенных участков по нынешней пропорции... купить лесу на построение селения...»

Его стараниями и умением увлечь своим рассказам, в глазах Виктора, укоренение немецких колонистов на берега Волги выглядело действительно событием по тем временам масштабным. Так, с лёгкой руки учителя истории узнал он, что, начиная с 1764 года, всего лишь за неполный десяток лет на Волге было основано 105 немецких колоний-поселений, при этом численность колонистов составляла 6174 семьи – более 23 тысяч человек!

И самая крупная из этих колоний Саратовского Заволжья была названа в честь российской императрицы. Основателем этой колонии стал некто военный инженер Иван Райс. Под его руководством велось составление подробных карт приволжской местности,

также контролировал он строительство и следил чтобы государевы чиновники не уворовывали, а честно выдавали новым поселенцам всё необходимое на первое время имущество и «отмежёвывали по 30 десятин земли на каждую семью», как в Указе прописано. Причём участок этот, опять же волею императрицы, должен был включать в себя обязательно «как земли пахотные, так и 5 десятин леса, столько же для выгона и 5 десятин предназначенные под различные строения», и каждой семье велено было Императрицей выдавать «по одной лошади, корову, инвентарь и некоторую сумму подъёмных – деньгами».

Чувствуя, неподдельный живой интерес мальчика к этой теме, Пётр Тимофеевич даже связался со своим бывшим однокашником по пединституту, через него сумел выйти на центральную библиотеку в городе Маркс, и выписал оттуда для любопытного ученика копии кое-каких журналов и книг на немецком языке. Радости Виктора, когда учитель вручил ему объёмистую и тяжёлую посылку с литературой, не было предела. Он с жадностью листал книги и журналы, открывая для себя новые и новые факты из жизни поволжских и алтайских немцев. Ведь, вполне возможно кто-то из этих людей, чьи воспоминания он читал, приходились ему далёким, а может быть, даже и близким родственником, как знать.

Так же от Петра Тимофеевича Виктор узнал и о том, что первые немецкие поселения на Алтае появились ещё в 1865 году, когда было официально разрешено переселение на эти земли немецких крестьян. Однако, только в 90-х годах XIX века начался массовый «исход» поволжских немцев в Сибирь, а в начале XX века с лёгкой руки премьер-министра России Петра Столыпина к ним присоединились и добровольные переселенцы немцы-меннониты из Херсонской губернии...

После окончания истфака в краевом университете, Виктор вернулся в родную деревню, в родную школу. Преподавал там историю, правда поначалу пришлось полгода совмещать свою профильную специализацию с преподаванием немецкого языка, благо и читал, и говорил на родном языке он достаточно уверенно, а учителей-предметников по тем временам, впрочем, как и всегда это было, в сельских школах не хватало, и многие его коллеги вели по два, а то и по три предмета кряду.

Отчима дядю Юру к тому времени уже похоронили, а у мамы от долгой работы на ферме – подёргай-ка сорок лет в полусогнутом положении коров за вымя! – болели руки и спина, и ей всё сложнее было управляться с личным хозяйством. Хотя скотину она уже не держала, но огород, пусть и небольшой – из тридцати соток от силы пять было занято под грядки и под картошку, остальная земля просто пустовала – тоже отнимал много сил. Однако каждый раз, когда Виктор, ещё во времена своей учёбы, приезжал в деревню на каникулы, мама нагружала его с собой множеством банок с соленьями, а иногда и с кем-то из односельчан, нарочным передавала ему гостинцы в университетскую общагу – те же банки, иногда кусок свежего мяса, мешок картошки... Виктор потом ворчал на неё:

– Ну зачем, мама, меня балуешь? У меня всё есть, и стипендию получаю, и подрабатываю на кафедре в универе...

Однако брал, потому как знал, – не возьмёшь, мать обидится.

Там в университете, на последнем курсе сдружился Виктор со Славкой Риммером, который учился вместе с ним на истфаке. Славка был родом из одного чисто немецкого села Славгородского района.

Ещё в 1927 году постановлением ВЦИК на основе нескольких сельских советов Славгородского, Ново-Алексеевского и Знаменского районов Алтайского края был образован Немецкий район с центром в селе Гальбштадт. Правда, спустя одиннадцать лет, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР его расформировали, распределив всю территорию между Знаменским и Славгородским районами. И в этих районах были сёла,

основанные немецкими переселенцами конца XIX – начала XX века, где жили преимущественно немцы. Из одного из таких сёл и был родом Славка Риммер.

В 1991 году в связи с новыми демократическими веяниями, Немецкий район в составе края вновь был восстановлен. Именно на этом подъёме активизировалось общественное движение алтайских немцев. Вместе со Славкой, Виктор ещё в студенческие годы посещал собрания немецкой диаспоры в краевой столице. Участвовали в каких-то культурно-просветительских, как всегда шумных и интересных студенческих тусовках, ездили по сёлам, где жили немецкие переселенцы – читали лекции, свои стихи, пели песни на немецком, девчонки-сокурсницы танцевали национальные немецкие танцы.

Уже тогда Виктор отметил для себя, что немецкие поселения, даже чисто внешне отличаются от сёл других этносов Сибири. Что-то характерное, чисто национальное бросалось в глаза, впрочем, касалось это не только немцев.

К примеру, взять кержацкие сёла. В них дома зажиточные, в оградах большие строения, основательные, включая даже сеновал, и сарай. Обыкновенно, обнесены такие подворья высоким глухим забором. Чужих хозяева внутрь ограды пускают неохотно, – этакое автономное государство с закрытыми «границами». Чётко прослеживается и философия таких усадеб и их хозяев. Если утрировать, звучит это примерно так – «я никому не мешаю, но и ко мне со своим уставом не суйся. Не мешай мне жить в своей ограде по своим законам».

Или взять дома алтайцев, кумандинцев, казахов и прочих многочисленных местных аборигенов, там напротив – редкая изгородь, иногда даже не замкнутая вокруг участка. В ограде некая хаотичность и строений, и планировки, словно жилище хоть и постоянное, но «временное», напоминает всем своим обликом об исторической внутренней склонности хозяина к кочевому образу жизни...

И из всего этого многообразия Виктор безошибочно определял дом, где живёт бывшая семья немецких переселенцев. Во-первых, по строгой геометрии линий дорожек, аккуратно выложенных либо тротуарной плиткой, либо заасфальтированных или посыпанных ровным слоем мелкой щебёнки; во-вторых, по обилию цветов, высаженных вдоль этих дорожек, кстати тоже ровными линиями либо на клумбах вдоль оград с наружной стороны... Внутри все строения были строго функциональные, но без особых излишеств. Этаким прагматичный рационализм. Однако сами ограды – основательные, но не закрытые наглухо, как у кержаков. Если хочешь, вполне можешь любоваться этим порядком и прибранностью со стороны, никто из хозяев тебе слова не скажет.

Удивляло не только врождённое стремление этих людей к порядку, но и их мастеровитость, умение удивить чем-то необычным. Так в одном из дворов он как-то заметил карусель для ребятишек с красивыми самодельными, сделанными с выдумкой и любовью ретро машинами и даже мотоциклом, сооружёнными из фанеры. Вся эта конструкция вращалась на обыкновенном большом подшипнике, хорошо смазанном, потому как крутилась карусель легко, и при вращении не было слышно ни малейшего скрипа.

Виктор хорошо помнил, в своих военных историях его отчим дядя Юра часто говорил о таких необычных с выдумкой рукодельные механических штучках, которые, по его словам, были почти обязательно в каждой германской деревне, где ему пришлось побывать во время войны. Конечно, у Виктора вызывало уважение, такое бережное отношение этих людей, по сути сосланных в сюда в Сибирь, к своей национальной культуре, к своим традициям. Как и то, что многие из семей немецких переселенцев, ещё в конце 60-х годов XX века дома разговаривали на своём родном языке, да и немецкоязычная газета долгое время выходила на Алтае.

В 90-е многое поменялось. Границы приоткрылись, и многие немецкие переселенцы, сотнями стали уезжать на свою историческую, даже не родину, прародину – в Германию. По сути дела, люди эти сделали сразу несколько шагов назад, к своим историческим истокам, перешагнув не одно поколение. Виктор внутренне понимал этих

людей, уже однажды подвергнутые репрессиям со стороны властей, не было у них в душе никакой уверенности, что случившееся с ними однажды, не повторится.

Но лично для себя Виктор решил, уезжать отсюда он никуда не собирается. Да и куда ему ехать, когда практически вся жизнь прошла здесь в Енисейском, здесь могилки его родителей, зачем ему Германия? И если кто-то спрашивал его об этом, он обыкновенно отшучивался:

– В Германию? Не-е, не собираюсь. Зачем?.. Ведь помидоров сочнее и вкуснее, чем на Алтае, я нигде не едал!..

Шутка – шуткой, но помидоры, которые он выращивал в своём огороде, и вправду были вкусны. Поэтому Виктор, отвечая так своим оппонентам, не чувствовал каких-то внутренних угрызений совести. Хотя подсознательно, конечно, понимал, – причём здесь, собственно говоря, помидоры? Это так, – точно некое слово, как бы вставленное в разговор для связки прочих слов...

...История этой женщины, Марии Шварц, запись которой Виктор увидел на одном из мероприятий в недавно открытом в краевой столице русско-немецком культурно-деловом центре, поразила его. На эту встречу по старой памяти его пригласил всё тот же Славка Риммер. Славка давно уже жил в краевой столице и был в этой общественной организации не последним человеком – отвечал за культурные связи с российскими немецкими диаспорами как в России, так и за её пределами.

Собственно желание снова повидаться со своим бывшим сокурсником и подвигло Виктора поехать за двести километров, тем более Славка настоял, что Виктор приедет накануне вечером, и они плотно посидят, как выразился друг, дома у Славки.

В стольном городе Виктор не был года, наверное, полтора, последний раз ещё накануне этой клятой пандемии ездил туда за зимней резиной. Старая на его Патриоте совсем поизносилась, вот и решил заменить.

А так, сидел он себе сиднем в своём Енисейском, занимался делами сельскими, так как его односельчане оказали ему «большое доверие» и выбрали главой сельсовета, практически бессменным. Про доверие, конечно, это он так, иронизировал над собой. Просто кого-то надо было выбирать, а Виктор мужчина грамотный, бывший учитель, писать умеет, говорить тоже, вот и выбрали. А чего, пусть работает на благо родного села.

В столице в этот раз в глаза ему сразу бросилась атмосфера какой-то всеобщей насторожённости и плохо скрываемой агрессивности, которая, похоже, была готова выплеснуться наружу по любому малейшему поводу. Особенно явно это проявлялось в общественном транспорте. Пока народа в вагоне трамвая было немного, люди просто рассаживались подальше друг от друга. Но не дай Бог, тебе кашлянуть или чихнуть, тотчас станешь объектом всеобщего пристального внимания, весь вагон оглянется на тебя зло, хоть и молча, но достаточно красноречиво. Постепенно, по мере движения трамвая, народа в вагоне прибывало, и вот уже где-то с передней площадки услышал Виктор визгливый злой женский голос:

– Кондуктор! Кондуктор! Почему у вас в вагоне люди без масок!?

Саму говорившую, точнее визжавшую, Виктор не видел, люди закрывали, но довольно отчётливо представил её искажённое негодованием лицо. И вроде справедливое замечание она делает, но сам тон вызывал у Виктора, да, видимо и у других окружающих, особенно у тех, о ком она говорила, резкое раздражение.

– А я что им сделаю? Не из вагона же выталкивать! – Отозвалась кондуктор.

– Вот именно – выталкивайте! Трамвай останавливайте и выталкивайте взашей! – В приказном порядке продолжила визгливая.

Видимо что-то там, на передней площадке произошло, потому что Виктор услышал уже мужской голос:

– Ты ручонки-то свои прибери, коза! Я тебя сейчас так толкну – сама из вагона вылетишь!

– Нет, вы видели! Видели?.. – Снова возмутился тот же противный визгливый женский. – Хам!

– Сама не хами. Я тебе сейчас рот-то твой поганой заткну! Твоей же маской...

– Товарищи! Товарищи пассажиры, не ссорьтесь. – Вновь вмешался строгий голос кондукторши. – А то сейчас действительно трамвай остановлю... И маски наденьте, пожалуйста! Проверка будет не только вас, но и меня оштрафуют. А кто сейчас маску не наденет, обилечивать не буду... – Уже более примирительным тоном закончила она.

После деревенского спокойного течения жизни, Виктора эта атмосфера всеобщей раздражённости напрягала, так и хотелось встать и громко сказать на весь вагон: «Люди! Вы же – люди!»

Однако, удержался, промолчал.

Со Славкой, собственно, так и получилось, как они запланировали. Заполночь засиделись на кухне, поначалу Славкина жена Ирина, полненькая миловидная блондинка, на правах гостеприимной хозяйки, всячески старалась непременно досыта накормить гостя, постоянно выставляла на стол новые и новые блюда, а они, выпивали, закусывали и всё разговаривали и разговаривали, часто перебивая друг друга – «ты помнишь!..», «нет, а ты помнишь!» – вспоминая свои студенческие годы.

Видимо осознав, что разговор двух институтских товарищей нескончаем, а может и просто устала, Ирина мило, без лишних церемоний поцеловала мужа в щёчку и сказала:

– Дальше сам. Пойду прилягу.

Славка согласно закивал:

– Да ты не волнуйся, он голодным не останется, посмотри, какой ладный – деревенский же!.. – Славка шутливо похлопал товарища по животу.

– Ну ладно ты. – Шутливо отмахнулся Виктор. – Всем-то про мой живот не рассказывай.

И они снова, уже без неё, погрузились в воспоминания – «ты помнишь!..», «нет, а ты помнишь!»

От прошлого, по мере выпитого, перешли к проблемам сегодняшним:

– Помнишь, когда в девяностых европейские границы приоткрылись, многие алтайские немцы, особенно молодёжь, сотнями на «родину» ринулись? И ведь не в Поволжье, в Германию!.. Там в «европах» жизнь более сытая, что ли?.. Вот как ты мне это объяснишь? – Оживлённо жестикнул Виктор.

– Ты же знаешь, бывал я в Поволжье в девяностых... Вернувшись из Сибири немецких семей там действительно мало. – В который раз рассказывал другу знакомую историю Славка. – Но, когда мы туда с визитом приехали, представляешь, среди местных по селу слух прошёл, мол, мы из Сибири специально здесь, чтобы обратно забрать свои дома, свою землю. Насилу тогда успокоили людей, что у нас в Сибири уже есть новые дома, новые сёла построены, дети и внуки в Сибири живут...

Виктор уже неоднократно слышал от друга эту историю, ещё со студенческих времён, но переживал всё вместе со Славкой будто заново.

– Я ещё тогда яблок там перед отъездом в заброшенном саду набрал... – Как всегда ностальгически заканчивал рассказ Славка. – Всю обратную дорогу грыз тогда эти яблоки с родины моего отца...

Конечно же Виктор помнил и эту историю, знал её почти наизусть, помнил и те времена, когда его соотечественники уезжали в далёкую Германию, и судя по письмам односельчан, которые они писали оттуда, из Германии, своим оставшимся в Сибири родным, знал, там, на вновь обретённой родине, кому-то нравилось всё, начиная с цивилизации и заканчивая гамбургерами, которые тоже «там были вкусней», а кто-то откровенно тосковал по привычной российской хаотичности и беспорядочности, как-никак столько лет в России, в Сибири прожили... И на вопрос: «Почему уехали? – Честно пожимали плечами. – Родители увезли». Кто-то из уехавших тогда смог приспособиться к

этому новому для себя европейскому ритму жизни, кто-то нет... Виктор никого не осуждал и не оправдывал – ни уехавших, ни оставшихся – просто для себя-то он определился раз и навсегда: он никуда не поедет.

... Не сказать, что зал в культурном центре был полон, люди сидели, как требовала того новая реальность, в масках и через два стула друг от друга.

Эту запись рассказа Марии Шварц – на камеру своего смартфона сделал один из участников делегации немцев Алтая, выезжавшей недавно на историческую родину в Поволжье. Запись не очень качественную, но искренне растрогавшую Виктора до глубины души. Пожилая женщина, скупно, без слёз просто и неторопливо рассказывала историю своей семьи.

Порой у Виктора, да и, судя по всему, у многих сидевших в зале, даже создавалось такое ощущение, что все слёзы свои Мария уже давно выплакала в какой-то иной прошлой жизни. Но местами становилось заметно, особенно когда она рассказывала историю своей семьи не со слов своей матери – Марты Шварц, вероятно услышанных в детстве, а то, что навсегда отпечталось в памяти той маленькой девочки Мари Шварц, пережившей это. Именно в этих местах многие люди в зале откровенно не могли сдержать слёз.

«Когда мы дошли до Волги, в город Маркс мы не вернулись. – Спокойно звучало с экрана. – Просто сил идти дальше не было уже совсем.

Мы с мамой и сестрёнкой остановились за Волгой. Есть там узловая сортировочная станция Приволжской железной дороги – Урбах. А при ней – посёлок Пушкино. Там и остановились. Это Советский район Саратовской области.

Поначалу приютил нас местный участковый – дядя Саша, сдал нам комнату. Много с нас не брал, так, чисто символически, жалел видимо. Сам он был бывший фронтовик, но его списали после госпиталя по ранению подчистую. И теперь он служил в пушкинской милиции. Так и квартировали у него, пока маме не дали отдельную комнату.

А ей дядя Саша почти сразу помог устроиться работать в совхоз, и мама трудилась там то разнорабочей, то что-то охраняла, словом, выполняла любую работу куда пошлют. А куда денешься, выживать как-то надо было.

Спустя немного времени и я нанялась в няньки в одну семью. За пять километров в соседнюю деревню ходила. Хозяин работал в совхозе трактористом, а его жена была учительницей. Нянчила их маленького сына. Хозяевам на работе выдавали какое-то зерно, комбикорм. Они ими со мной рассчитывались. Жила у них, домой ходила раза два в неделю, все-таки пять километров. Они дадут мне пшеницы, комбикорма немного насыпят, и я несу всё это маме. Раньше мельницы были ручные, специальные, на такой мама крупу молола, и мы кашу варили из комбикорма, а из пшеничной муки мама иногда лепёшки делала, вкусные. Для нас это как праздник был...

...Года два, наверное, нянькой проработала, потом в прислугах, это уже на станции у одного директора. Там семья была – татары по национальности. Хозяин на работе с утра до ночи пропадал, а жена у него болела. Мальчику ихнему три года было. Ещё у них лошадь была своя, корова. Со всем этим хозяйством мне одной управляться приходилось. И лошадь кормила, и корову доила, и молоко потом через сепаратор пропускала... Дадут они мне молока, других продуктов, всё это домой несу... Так у меня детство и прошло.

Ну а потом, когда мне уже шестнадцать лет исполнилась, устроилась работать на железную дорогу. Специальности нету, в школе только два класса закончить смогла на русском языке, вот и устроилась на такую тяжёлую работу. Шпалы, рельсы – всё это тогда мы вручную таскали... Потом замуж вышла, неудачно. Родился у меня сын, но, когда ему месяцев шесть исполнилось, мы с мужем разошлись. Пить он начал сильно, муж мой. Так и осталась одна с сыном на руках. С мужем мы не регистрировались, поэтому и фамилия у меня мамина осталась – Шварц, и сына на свою фамилию записала.

После того как с мужем разбежались, жила с мамой, с сестрой и сыном. Мама пенсии не получала, сестра тоже не работала, ей шестнадцати ещё не было, а мне платили шестьдесят рублей. Это нам на троих было, да ещё сын маленький – четвёртый. Хлебнули конечно всяких трудностей, но сына вырастила. А вот маму и сестру похоронила, да и сама уже на пенсии...»

Много, много вопросов мог и хотел задать Виктор этой женщине. Вот так бы съездить туда в Поволжье, поговорить с ней глаза в глаза... Только куда нынче поедешь, все пути дорожки перекрыл проклятый вирус – онлайн его мать! – Виктор ругнулся так, и усмехнулся не без горечи, а ведь действительно, скоро и детей онлайн научаться делать...

И словно в продолжения вчерашнего их со Славкой разговора, вертелись в голове мысли всякие. Если новоявленные искатели родины, про которых они вчера со Славкой вспоминали, уезжали в Германию, чаще всего в надежде на лучшую – цивилизованную, как они говорили – жизнь, то что надеялись обрести, вернувшись на берега немецкого Поволжья, люди, в те трудные и страшные годы, проделавшие путь пешком практически через всю страну!?

Что это за навязчивое наваяждение, что за тяга такая к Родине, которую едва помнишь? Почему так тянет туда?.. Откуда, из каких временных глубин нашего подсознания, всплывает вдруг в памяти едва ощущаемая нами, почти призрачная дымка этой вот информации?..

Наскоро распрощавшись со Славкой, Виктор вышел на трамвайную остановку, чтобы доехать до автовокзала. Торопился, хотелось на автобус ближайший успеть, и – домой, в деревню.

Но впечатления пережитого не покидали. Захотелось как-то перекурить это дело, чтоб в голове всё улеглось-успокоилось. Сунул руку в карман, вытащил пачку, а она пустая. Ладно, подумал, найду в магазин, благо вот он рядом с остановкой, возьму сигарет, полчаса ничего не решат. Всё равно автобусы часто ходят. Зато покурю спокойно, по-человечески, мысли по полочкам разложу.

У магазина к Виктору подошёл какой-то человек, точнее, откуда-то из-за угла вынырнул, будто нарочно поджидал. Хотя, наверное, так и было, нарочно. Может и не конкретно Виктора, но с целью вполне понятной, денег поклянчить. Бомж – не бомж, но алкаш точно. Это Виктор понял по его сильно опухшим глазным провалам, по густой щетине, торчащей во все стороны из-под прикрывавшей подбородок медицинской маске, явно не первой свежести. У Виктора даже мелькнуло в мыслях, не иначе маску на мусорке подобрал...

Подошедший спросил, как-то неожиданно нагло, в лоб, будто давая понять, он здесь хозяин, и это его территория:

– Братан, как думаешь, помру – нет?

– Чего? – Не понял Виктор, с трудом переключаясь от своих отрешённых мыслей о Родине на этот нелепый, но конкретный вопрос новоявленного собеседника. Спросил нарочито грубо, чем видимо немного сбил прыть мужичка, наглости в голосе у того прибавилось.

– Да это так я... – Мужик махнул рукой. – Лучше денежек на хлебушек подкинь немножко, а?..

Виктор немного озадачено, но прямо и пристально посмотрел на просившего, оценивая ситуацию. Нет, денег он ему, конечно, не даст – всё равно пропъёт. В таких случаях он был принципиален и твёрдо придерживался правила: если ты мужик выпить захотел, будь добр на водку сам себе заработай, не можешь – не пей. А вот хлеба он этому опухшему, пожалуй, купит, потому как, а вдруг и правда нужно ему. И не ему, Виктору знать о том и судить, не даром говориться, «не суди, да не судим будешь».

– Стой здесь. – В том же тоне, перехватив инициативу диалога, жёстко приказал он мужику. – Будет тебе хлебушек.

В магазине Виктор взял сигарет, булку хлеба и взгляд его упал на консервную банку со шпротами, на крышке которой красовалось ностальгическое ещё из времён СССР – «За Родину!» Усмехнулся, мол, как раз послесловие в тему сегодняшнего мероприятия в немецком доме. Прихватил и её, и ещё пару сырков плавленых, тоже ностальгических, «совковских» – «Дружба», пусть убогий полакомится.

Когда Виктор отдавал опухшему мужичку пакет с продуктами, тот взял его с выражением прежнего нагловатого превосходства на лице, как должное. По-деловому заглянул в пакет, оценил сырки, консервы, прочитал:

– «За Родину!» Надо же, шпроты... Балтийские, поди... Давненько не пробовал. – А потом, видимо вместо благодарности, опять же ляпнул нечто странное. – Впрочем, Родина – это там, где кормят...

Что к чему он? Виктор призадумался, но промолчал, не лежала у него сегодня душа никак к дискуссии с этим нагловатым бедолагой. Да и какой смысл что-то объяснять ему, у Виктора – своё, у него – своё. И, как и всякое своё, оно, по-видимому, тоже имеет право быть наравне со всем прочим, в независимости от того, согласен с этим Виктор или нет.

Так и разошлись, не поговорив и не попрощавшись.

4. По законам «курятника»

Эта трёхэтажная общага стояла посередине квартала своеобразным изгоем. Все остальные дома в квартале давно уже обслуживались управляющей компанией, и потому имели относительно приличный, ухоженный вид. Здесь же, в общаге, не было никакого намёка на домофоны на подъездах, да и сами двери подъездов косо провисали на петлях, кое-где ободранные доски дверного полотна потрескались и требовали замены. Некоторые оконные проёмы в подъездах были затянуты полиэтиленовой плёнкой, в прочих – стекла от одного края до другого пересекали огромные трещины. Из незастеклённых подвальных вентиляционных амбразур парило почём зря, совершенно бесплатно и бесполезно отапливая воздух на улице.

Общежитие некогда в доперестроечные времена, принадлежало одному большому заводу, и служило своеобразной перевалочной базой для молодых специалистов, прибывающих сюда по распределению из различных вузов и техникумов страны. Человек приезжал на завод, ему давали комнату в общежитии и ставили в очередь на квартиру. Проходило года полтора-два, и он съезжал в новую квартиру, освобождая место для следующего молодого специалиста.

В девяностые завод закрыли, а здание общежития передали на баланс городу. Потом, когда в сфере ЖКХ начали создавать управляющие компании, здание это осталось бесхозным, точнее на бумаге числилось оно за одной УК, но, поскольку жильцы общежития рассчитывались за коммуналку весьма неохотно, особого смысла активно вкладываться в ремонт здания у коммунальщиков не было. Латали дыры, когда уже совсем где-то что-то прорывало, а так, здание стояло и старилось само по себе, без особого вмешательства со стороны коммунальщиков. Да и жили там давно уже не молодые специалисты, а народ всякий-разный-сборный, каждый со своей историей, как правило совсем не оптимистичной.

Внутри само общежитие было секционного типа, на всех лестничных клетках располагалось по две секции, в каждой из которых находилось по пять комнат, одна общая кухня, общий туалет и одна на всю секцию душевая. Если в комнатах хозяева по мере сил хоть как-то старались создать какое-никакое ощущение уюта, то вся остальная площадь секции была в общем пользовании, значит – ничья, со всеми отсюда вытекающими последствиями.

На кухне из пяти мусорных вёдер, пара постоянно была наполненными с горкой пищевыми и бытовыми отходами, соответственно ни с чем несравнимый аромат остатков пищи и всего прочего, надолго, если не навсегда, поселился в этих стенах. К тому же всё это повседневно смешивалось с вонючим, уже не проветриваемым, запахом табака,

потому как многие обитатели имели привычку выходить курить на кухню. Можно было дальше продолжить описание секции, впрочем, про туалет и душевую комнату лучше скромно промолчим.

Одну из двух секций в первом подъезде на первом этаже сами же обитатели общаги окрестили «курятником». Почему? Да всё очень просто, три из пяти комнат в этой секции занимали женщины-разведёнки, в самом половозрелом возрасте, в ещё одной комнате обитал Дима-ботан – тинейджер-переросток лет двадцати – двадцати трёх, непонятного для секционного сообщества рода занятий, вроде, как бы и компьютерщик-программист... с другой стороны, как бы, блогер свободного полёта, или кто-то ещё... Впрочем, об этом из обитателей секции-курятника точно не знал никто, да и, к слову, – а им это надо?.. Пятую комнату по законному праву занимал Зёма-дворник, поселившийся здесь на ведомственную жилплощадь, закреплённую за управляющей компанией. Жил он здесь сравнительно недавно, вселился почти сразу после смерти прежнего дворника – Степаныча. Вообще-то с детства звался Зёма – Зелимхан Гантимурович, но попробуй-ка выговори такое на трезвую голову, потому и окликали его обитатели «курятника» по-свойски – просто Зёма.

Одна из трёх разведёнок Вера – тоже дворничиха была из тех, кого обычно называют оторважницами. На все случаи жизни у неё был заготовлен один ответ: «Будь спок!» Со своим то ли мужем, то ли сожителем, разбежались они уже давно, потому как оба могли загулять при случае без особых угрызений совести. Как раз в один из таких случаев, как говорится, слово за слово, – пособачились они крепко. Мужик Верин просто собрал все свои рубашки, портки, трусы да носки и ушёл. Куда? Бес его знает. Она сильно не переживала по этому поводу, мужик с возу, бабе – волюшка, вона сколько других мужиков вокруг крутится!..

Вторая из разведёнок – Надежда, женщина спокойная, но строгая, работала продавщицей в продуктовом. В том самом, территорию вокруг которого круглый год убирала Вера. С мужем Надежда разошлась по причине тоже весьма банальной, любил её мужичок налево бегать, а она терпела-терпела, да, видать, терпелка закончилась. Сказала и ему, и себе: «Всё. Точка».

Как сказала, так и сделала, муж к матери жить съехал, теперь, наверное, оттуда налево бегаёт, мать – не жена, сковородкой не приложится. А Надя с сыном – четырнадцатилетним Славиком, здесь, в общаге остались. Воспитывала она сына как умела, изо всех сил старалась, чтобы он «не хуже других был»: одевался... мобильник чтоб у него был не самой «отстойной» модели, чтоб перед одноклассниками не стыдно ему было... Словом, чтоб не чувствовал себя в чём-то ущемлённым среди других детей. До мужиков после развода с мужем ей временно дела не было, отказывала всем подряд, решила все свои силы приложить к тому, чтобы сына воспитать человеком да на ноги крепко поставить. Этим и занималась, как могла.

Правда денег у них с сыном всегда в обрез было, скуповата была хозяйка магазина – платила продавщицам немного, и не всегда в срок. Зачастую придёт она в магазин в день зарплаты и говорит продавцам:

– Ой, девчонки, а там рыбу такую на копильне предлагают – ассортимент зашибись, и не дорого...

Девчонки не дуры, сразу понимают, куда хозяйка клонит. Однако повздыхают молча – куда денешься – нынче с вариантами трудоустройства совсем не густо.

– Ну так что, берём? А?! А зарплату я вам на следующей неделе всю до рубля отдам...

Пожимали плечами, мол, бери, опять же – а куда денешься. Вот и приходилось Надежде, чтобы Славик её марку худо-бедно среди ребят не ронял, экономить на себе. Порой и хочется ей чего-то, обновку какую-нибудь, как-никак – женщина, да только – сейчас Славику оно нужней...

Последняя из разведёнок – Люба, окончила местный институт культуры. Танцевальный кружок у ребяташек вела в клубе, что через дорогу. Говорили про Любу, что в юности у неё большая трагедия случилась: парня, с которым она дружила когда-то, наверное, даже любила его по-настоящему – тогда-то она этого ещё и осознать толком не успела – убили какие-то пьяные подонки. Он заступиться за неё хотел, а они его ножом – в живот! Хороший парень был, отчаянный. Сама Люба об этом случае никогда никому не говорила, чего душу травить... Но микрорайон небольшой, слухами полнится.

Больше она такого чувства в своей жизни ни к кому не испытывала, хотя время в аккурат после института подошло, замуж вышла. С мужем вроде жили – ладили. Потом, когда завод, где он работал, закрыли, подался он «на севера» за заработком. Колымил там, колымил... да там же, на северах, другая любовь его к себе «приморозила». Вернулся домой – прости, любимая! – развелись, квартиру продали, деньги поделили, он – обратно на север за новой любовью, а Люба себе эту комнатку в бывшей заводской общаге купила. На большее просто по деньгам не потянула. Хотя, как она сама себя всегда утешала, ей, одной-то, и этого жилья вполне достаточно.

Опять же работа рядом. Она также по-прежнему продолжала целыми днями заниматься танцами с детишками в клубе через дорогу. Только вот вечерами да по выходным, грустно и тоскливо, порой хоть волчицей вой... Поэтому и позволяла себе иногда принимать ухаживания немногочисленных поклонников, впрочем делала это не на своей территории: то в кино вечером с кем-нибудь сходит, то у подруги на даче на каком-нибудь пикнике позволит себе пофлиртовать... Иногда даже и подвозили её до дома кавалеры на крутых авто, впрочем до серьёзных отношений у Любы ни с кем не доходило, обычно бывало так, несколько встреч и кавалер вдруг либо женатиком оказывался, либо просто ни с того ни с чего пропадал куда-то. Как она себя потом утешала: «Видать перевелись нынче мужики на Руси. Где ж их нынче взять, настоящих-то...»

Ещё, к ним в «курятник» часто навещался Щер, вот с ним точно не соскучишься. Приходил он к Верке, однако всякий его приход жизнь в секции оживала. О себе он заявлял сразу, громко и весело:

– Ау, Вера, Надежда, Любовь – девчонки! Все ли нынче здесь, все ли на месте!? – Кричал он с порога.

– Здесь, здесь, Колян! – Обычно весело в тон ему откликалась из своей комнаты Верка, остальные – Надя, Люба и Зёма – просто молча выходили на общую кухню. Знали, Щер всё равно не успокоится, пока каждый с ним не поздоровается да по рюмахе не хлопнет.

О Щере – он же Колька Щербаков – разговор отдельный. Парень – а Колька себя именно так себя всегда позиционировал, хотя мужику вот-вот под сороковник корячится – так вот, парень он видный был, хотя и сиделый, с год, наверное, как откинулся. Обычно нагловатый, в себе уверенный, любой разговор-знакомство начинает с того, что на собеседника буром прёт. А как иначе, сразу надо показать, кто в разговоре хозяин, кто здесь право на базар имеет. Хотя, в случае чего, при необходимости умел он быстро сориентироваться, сменить тактику, особенно, когда силу в человеке чувствовал. Так его в зоне научили, не получается кого-то сразу нахрапом закошмарить, можно перед ним и прогнуться, что такого – и от тебя не убудет, и, вообще, целее останешься.

Вот со Степанычем, бывшим дворником, так получилось. Как-то попытался Щер территорию здесь в «курятнике» за собой утвердить – только-только тогда к Верке жениться начал – зашёл на кухню, а там Степаныч сидит да в форточку дым пускает.

– Ну, дед, покурил что ли!? Другим место освобони! – Сказал.

– Ты, вот что, это, внучо-ок, сильно-то тут не ерепенься. – Твёрдо так, но спокойно посоветовал Кольке Степаныч. – Здесь-то в гостях, небось... А то ведь, ерепенки-то, их быстро укоротить можно.

– Не ты ль укоротишь? – Напирал Щер.

– Я, не я... там и посмотрим кто. – Степаныч усмехнулся.

– Ну, ну...

– Да хоть ну, хоть тпру... – Степаныч неторопливо затушил окурок в банке, которая стояла на подоконнике вместо пепельницы, встал, дружелюбно, но уверенно похлопал Щера по плечу. – Пока не запряг, вроде... Так-то, внучо-ок!

После этого случая Щер Степаныча сразу зауважал, и в его присутствии старался вести себя скромнее, тем более понимал, здесь он всё-таки пока на чужой территории, так сказать, нелегал. Хотя вроде у Верки он плотно почти обосновался, у него уже и щётка зубная своя здесь есть, и брился он здесь, и даже одеколоном брызгался обязательно – когда побреется, к его чести, сказать, – своим. Но то-то и дело, что обосновался он всё же – почти... Никто его здесь прописывать не торопился, хотя и не гнали. Иногда, бывало, Колька и сам на неделю пропасть мог, то ли с друзьями гулял, то ли налево ходил... А Верка ждала, мол куда денется, всё одно прибежит шалопут чёртов...

Что касается бритвы, брился Колька обычно по вечерам, долго и старательно он выскребал подбородок Веркиной разовой бритвой, буквально каждый волосок, потом внимательно смотрелся в зеркало, которое висело у Верки в комнате, не торчит ли что ещё на щеках или на шее? Иногда, бывало, ворчал при этом на Верку:

– Верка, чего бритва-то такая тупая, хоть ножом бройся? Новую-то купить – слабо?

– Те надо, ты и покупай! – Отмахивалась Верка.

– Ладно, куплю. Завтра. – Выдержав небольшую паузу, неохотно соглашался Щер, критически осматривая себя в зеркало. – Давай спать, что ли...

– Х-хы, как же, с тобой поспишь. – Громко хмыкала Верка.

– Давай, давай... – Щер, как бы в знак примирения, ласково хлопал её по тугой округлой попке и подмигивал. – Марш в кроватку!

Но вот по утрам, что бы не случилось, Колька, во-первых, не брился, во-вторых, неизменно, надевал свою «рабочую» одежду, грязную, нестиранную, брал в карман такую же не первой свежести медицинскую маску – куда нынче без маски – и шёл на промысел, когда к магазину, когда ещё куда, наверное, к кому-нибудь из своих многочисленных знакомых, как правило таких же мутных личностей, как и он сам. Взять, что где-то плохо лежит, развести кого-нибудь на деньги у магазина, ну и ещё – если другое не «покатило» – приходилось с друзьями честно выполнять услуги почти «трезвых грузчиков» по вызову. Это и были основные источники его доходов. На работу после отсидки устроится по нынешним временам было почти нереально, да он и не особо рвался. Ему и здесь на жизнь хватало, по крайней мере не жаловался. Да и Верка иногда подкармливала и подпаивала, всё-таки почти в магазине работала, хоть и на крыльце...

Справедливости ради, заметим, что в основном, несмотря на все свои недостатки, Колька всеми фибрами души своей всегда за справедливость стоял, по крайней мере, так как он её понимал с детства. Отец у Кольки был человек военный, и строгий, с сыном особо не церемонился, ремнём его охаживал регулярно за любую малую провинность. Но, надо сказать, всегда за дело. Вот как-то – Колька этот случай отлично запомнил – играли они с другом Васькой Зайцевым в догонялки, Колька на дерево залез, Васька долго вокруг ходил, вроде и хочется Кольку запятнать, а залезть боится. В конце концов решил, полез – выше, выше, а Колька изловчился и, с другой стороны, по толстым веткам вниз кошкой спустился. Не запятнал его Васька, не достал. Спустился, а Васька на ветке завис: пупом к ней прижался, руками вцепился – не оторвёшь – залезть залез, а спускаться страшновато. Что делать? Тут-то батя Колькин их из окошка приметил. Вышел на улицу, спрашивает Кольку:

– Ты малого на ветку залезть подбил?

Напугался Колька, думал, сейчас достанется от бати. Губы затряслись, коленки подгибаются, однако не плачет, и отвечает, глядя отцу в глаза:

– Ну, я...

– И чего теперь делать думаешь?

Колька плечами пожимает:

– Н-не.. не зна... знаю...

А батя спокоен, как будто даже интересно ему, как сын выкрутиться:

– Я так думаю, снимать друга надо. – Сказал.

Обрадовался Колька, что решение ему отец сам подсказал, залез к Ваське, помог другу спуститься. Даже толком не помнит, как это у него получилось. Единственное, – не страшно ему было, куда страшнее, что отец сейчас выпорет. Однако, батя посмотрел на них, усмехнулся и только сказал:

– Ну-ну...

Не выпорол. Справедливо? Наверное...

Вот только, жалко умер батя рано, довоспитать Кольку толком не успел.

А в дурную компанию Кольку затащил тот же Васька Заяц. Подбил его, да ещё двоих таких же шалопаев киоск ломануть. Только взяли их с поличным. Васька-то отвертелся – условно ему дали. Да и родители егошние подсуетились, отец Васькин тогда свою небольшую частную медицинскую клинику держал, многие влиятельные чиновники и прокурорские, и судебные у него лечились. Вот и поговорил с кем надо, Васька лёгким испугом отделался.

А Колька тогда присел. А дальше, как всегда бывает, сначала по молодости, да по дурости, срок хоть небольшой получил, а потом – пошло, поехало... Бати нет, и вовремя за руку остановить Кольку некому...

Ваську он как-то недавно видел, лет десять они не встречались, а тут на тебе. Возвращался Колька вечером к Верке, а тут за домом внедорожник остановился, крутой. Из него Люба выпорхнула, видать очередной ухажёр подвёз. А следом – вот так фортель! – Васька Заяц! Щер даже рот широко открыл, Васька важный весь такой, в чёрном модном пальто – он, не он? – ещё раз присмотрелся Колька – точно Васька.

Окликнул их:

– Эй, молодёжь, хорош прощаться-обниматься!

То-то Васька удивился:

– Колян? Щербаков, ты – что ли?

– А то!

А Люба смутилась, не любила она когда соседи её ухажёров с ней видели, старалась им как-то на глаза не попадаться:

– Ну-у, ты это... Василий, езжай! Хватит провожать-то.

– Дай хоть с другом детства поздороваюсь!

– Ладно, здоровайтесь. Пошла я.

Разговор у них с Зайцевым коротким получился, как это всегда бывает, вроде, столько не виделись, а встретились – о чём говорить? Однако понять Колька успел, Васька какую-то частную фирму держит, что-то с грузоперевозками связано. Кроме этого, с отцовской клиники дивиденды ему капают, словом, в порядке Васька, не бедствует.

– Отец-то жив? – Спросил.

– Да нет, помер батя, года два уже. Мне приходится клиникой заниматься...

– А ты чего-то в этом понимаешь?

– Зачем понимать-то?.. Руковожу. – Усмехнулся Зайцев.

– Ну-ну...

Да, разошлись далеко их пути дорожки, у каждого – своё. Васька – вон весь в шоколаде, а Колька – столько ходок у него! – тоже живёт как может. Попрощались и разбежались.

...Ещё твёрдо усвоил, Колька, где живёшь, там не гадь. Это у него от «хозяина» пришло, крепко там в него эту истину вбили ещё на первоходке, когда на хате прописывали. Он тогда совсем зелёным был, законов здешних не знал. Курить ему, видишь ли, захотелось, ну и взял без всякого умысла – но без спросу – папироску с чужой

тумбочки. Папироску эту – как потом оказалось – специально ему на видное место подбросили, чтобы проверить. А он, повёлся на подставу – взял. В зоне этого не любят. И не прощают. Вот и поучили его крепко – мама не горюй! Всё понял Колька, осознал, исправился – на всю оставшуюся жизнь усвоил.

Теперь, когда Степаныча недавно закопали, Колька в секции плечи порасправил, потому как из всех обитателей «курятника» только Степаныч его урезонить мог. Станный он был мужик, Степаныч, вроде и не «от хозяина», а сила и уверенность в нём чувствовались, у Щера на это глаз намётан был. Да ещё Любке Колька не перечил, не то, чтобы опасался, просто связываться не хотел, она как-никак баба культурная, с высшим образованием. Впрочем, отбрить жёстко могла, Щер как-то попробовал к ней просто в шутку на кухне прижаться, сказала ему, как отрезала:

– Ты, кобель, к Верке своей жмись! А меня тронешь ещё-ё, та-ак по бестолковке сковородой получишь!

Щер всё понял – не дурак.

– Ладно, ладно, я ж просто... – Сказал примирительно, впрочем, больше для того сказал, чтобы за собой последнее слово оставить. – Ишь, грозная какая...

Теперь у них с Любкой почти, как у Молотова с Риббентропом – негласный пакт...

Другое дело Зёма, который Степаныча и в секции, и на остановке заменил. Вот над ним и поприкалываться можно, тот не обидится. Он вроде родом из местных, не то казах, не то кумандинец, хрен их разберёшь, а они как известно на бухло слабые. Нальёшь полстакана, и всё – крыша у них капитально съезжает. Как-то Колька с дружкой ради смеха подпоили Зёму с утра, прямо на работе, он как раз автобусную остановку подметал. А у них с собой поллитрушка «шила» была – технический спирт разведённый, которым в чебуречной напротив остановки из-под полы торговали. Чебуречная уже открылась, там и музыку хозяева включили, что-то современное, мяукающе-мурлыкающее, вроде как лиричное.

Взяли они «шила», по чебуреку, зашли втроём за угол, «по-бырому» накатили по сто пятьдесят из пластикового стаканчика. Зёму, видать «шилом» торкнуло хорошо. Так он здесь же прямо у остановки с метлой давай оттанцовывать. Люди идут мимо, улыбаются – дворник с метлой под музыку танцует, а ему что, ему тоже хорошо, ну танцует человек и танцует. То-то Колька с дружкой от души нахохотались. Потом Щер Зёму долго ещё подкалывал:

– Ну ты прям – танцор-диско!..

– А чего! – Зёма на Кольку и не сердится совсем, улыбается наивно, невинно так – ну, ни дать, ни взять, – чисто дитя природы.

Димка в «курятник» попал лет пять назад. Тогда думал временно, но как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Приехал он тогда из деревни в колледж поступать, учиться на программиста. В городе у него тётка родная жила, собственно, здесь в общежитии – это её комната. Сама-то тётка с мужиком сошлась, в основном у нового друга ночевала, а как Димку здесь поселила, так совсем к своему сожителю перебралась.

А Димка, с её лёгкой руки, здесь прижился. Со временем парень колледж окончил, вот только с работой сложновато было, так чтобы на постоянную куда-то устроиться, как-то и раньше не получалось, а теперь и вообще без «лапы» – никуда. Но он приспособился, вёл несколько сайтов у частников. Личное присутствие «на рабочем месте» хозяева от него не требовали, и это Димку вполне устраивало, появлялся он в офисах, только когда в этом необходимость была, а так работал дистанционно, из дома. Хоть и немного платили, но работал-то в нескольких местах, поэтому на жизнь хватало.

Иногда он и к тётке с мужем в гости приходил, там его всегда принимали по-родственному, кормили-поили. Но это пока тёткин сожитель контракт где-то на Севере не заключил, сейчас они вместе туда лет на пять на постоянку уехали, а квартиру сдали.

Приходилось Димке по их просьбе иногда проведывать тёткину квартиру – следить, чтобы жильцы порядок поддерживали да коммуналку вовремя оплачивали.

Ботаном Димку Щер прозвал, была у него такая фишка – всем подряд погоняла раздавать. А всё из-за того, что Димка от своего старенького ноутбука практически не отрывался. И летом на лавочке у подъезда в него паялся, за столом ел тоже с ним, даже спал когда, и то ноут у него рядом на тумбочке лежал – или включённый, или на подзарядке. Как-то с дуру осенило Кольку, увидел он Димку на кухне с ноутбуком, и выдал с подковыркой:

– Чего ты там увидел, бабу што ли голую? А, Диман-ботан!

Невольно так, походя, взял и зарифмовал Димку. Видимо Щеру самому понравилось, да и зритель поддержал – Зёма, как нарочно оказавшийся в тот момент здесь же на кухне. Подхватил:

– Ха-ха, Диман-ботан...

Так и прилипло: ботан да ботан... Дурак он Щер, Димка его сразу недолюбливал. Грубый, наглый, пальцы гнёт, опять же обзывается... Впрочем, недолюбливал он Кольку молча, – чего с дураком связываться, ведь и ребёнку понятно, и Димка это хорошо помнил – «кто как обзывается, тот сам так называется»...

А Щеру он отместил всё-таки, хотя тот об этом и не догадывался даже. Дело было так. К Димке соседи иногда обращались, какую-нибудь программку на телефоне установить. Вот Надежда, попросила его у своего Славика поставить «родительский контроль», чтобы в любое время видеть можно было, где её сын в данный момент находится. Тем более Славке уже четырнадцать – за ним глаз да глаз нужен. А теперь, очень удобно, она может все передвижения Славика дистанционно отслеживать, причём сам Славик об этом и не догадывается.

Опять же расписание транспорта с интерактивной картой, где всё обозначено – какой автобус или трамвай, где теперь находится, куда движется – он ей тоже поставил. Как-то Щер увидел у неё эту программу, тоже заинтересовался:

– Ботан поставил? И, что любой трамвай здесь видно?

– Даже номера маршрутов можно выбрать и включить, какие тебе конкретно нужны.

– Давай-ка, Ботан, и мне поставь! – Щер протянул Димке свой смартфон.

Димка плечами пожал и установил – ему что жалко! – даже для Щера. А заодно и «родительский контроль» втихую Щеру подключил, теперь он у Димки, можно сказать, на крючке. Димка всегда знает, где он находится. Интересно всё-таки осознавать, человек и знать не знает, а ты видишь, куда он пошёл, а если воображение немного поднапрячь, то можно понять и зачем. Вот, к примеру, Щер, если у магазина на остановке вертится, значит опять на «шило» денег сшибает, вечером придёт – шуметь будет. Хотя долго за Щером следить скучно, всё у него примитивно и предсказуемо. Ну получил Димка на какое-то время удовлетворение от осознания своей тайной осведомлённости, а дальше что? Нет, не настолько ему перемещения Щера интересны, уж лучше он любимым делом займётся, будет дальше свою цивилизацию строить.

Была у Димки главная цель – ещё с колледжа это началось – хотел построить идеальную цивилизацию человечков, пока в одноимённой компьютерной игре, а как там дальше сложится, видно будет.

Начинал-то он также, как и все его сокурсники, сначала в «стрелялках» зависал, потом вместе со всеми покемонов ловил, почти как депутаты на сессиях... Помнит он, в одном новостийном сюжете как-то показали заседание думы, сидит депутат, что-то в смартфоне своём ковыряет, и каким-то образом живой звук в эфир пробился, всего-то секунды полторы-две, наверное просто совпало – и депутат забыл звук отключить, и оператор телепередачи не приглушил в кадре, но Димка эти нотки узнал, такой сигнал идёт, когда покемона поймашь. Сразу понятно Димке стало, сидит мужик на сессии – покемонов ловит.

Впрочем, стрелялки, покемоны – теперь всё это для Димки отстой – прошлый век, теперь он до Цивилизации дорос. В неё играет. Хотя какая же это игра, вот всё что сегодня офлайн в мире происходит, там – игра, и правила игры кто-то устанавливает, и рулит вся и всем, а Цивилизация для него, для Димки, – это реальность, покруче всего офлайн-мира.

Там, в офлайновской жизни, что от него зависит? То-то и дело, что практически ничего. А здесь он сам определяет, сколько вот этим маленьким, управляемым человечкам, населяющим его цивилизацию, необходимо для жизни городов, деревень, ферм, заводов, магазинов... При желании он мог добавить или убрать что-то, а они там копошились, чего-то производили, трудились, а Димка управлял ими со своего ноута и все их действия контролировал.

Одна беда, размножались они, людишки эти, бесконтрольно и слишком быстро: и территории уже, и ресурсов, и жратвы на всех не хватать стало. Приходилось их иногда намерено лбами друг с другом сталкивать, чтоб воевали – государство с государством, город с городом, деревня с деревней. Помогало, но не очень.

Население его цивилизации просто катастрофически множилось, и контролировать ситуацию становилось все труднее и труднее, иногда за всеми событиями Димка просто элементарно физически не успевал.

«Срочно надо сокращать народонаселение. – Озадачено чесал он затылок. – Иначе ведь друг друга сожрут. А кто тогда работать будет?.. Но как? Как?..»

Димка долго и упорно ломал голову, что ему ещё предпринять, чтобы наиболее безболезненно решить эту проблему своей созданной цивилизации.

«Умирать – как и рождаться, и жить – человечки должны планомерно и подконтрольно. – Рассуждал он, хотя не очень представлял, как это реально можно осуществить, какие инструменты для этого нужно задействовать. – И если я добьюсь, контроля над смертностью и рождаемостью, тогда можно будет точно регулировать количество...»

Чем больше он думал, тем больше убеждался, необходим ему какой-то очень эффективный регулирующий фактор, который позволит точно обеспечивать необходимый показатель соотношения рождаемости и смертности. А иначе, его цивилизация – либо от перенаселения загниётся, либо сама себя изживёт в конце концов. И с чем он, Димка, тогда останется? А тут, эта подсказка из офлайн-мира – вот если ему в цивилизацию вирус какой-нибудь закинуть!.. Осталось только продумать, как это ему программно осуществить, чтобы вирус этот тоже подконтрольным был. Тогда всё срастётся. А вы говорите игра!..

У Щера этот день с утра как-то не заладился. Сначала Веник из соседнего дома встретил. Парень валовый, добродушный, наивный, даже чересчур. Почему Веник он? Да Колька его сам же так и окрестил, потому как – шустрый он излишне, всё суетится чего-то, только вот суетится беспонтово как-то.

– Здоровэньки! – Как всегда, широко улыбаясь, Веник к Кольке подошёл. – А, слышал, сразу после Нового года новый государственный стандарт введут для гражданской обороны. В нём подробно расписано, как в случаях чрезвычайных ситуаций в мирное время в братских могилах людей правильно хоронить...

– Да. – Щер не сразу понял, о чём это Веник, но призадумался, спросил как всегда грубовато. – А тебе-то с того что? Лишний стакан что ли не нальют!?

– Да, вот я и говорю, сначала они в Новосибе всероссийский чемпионат провели, среди могильщиков... – Не унимался Веник. – Кто скорей яму выкопает, в размер под гроб. На время...

– Ну и что – кто победил-то? – Озадачился Щер ещё больше, не очень понимая к чему этот Веник клонит, хотя, наверное, спроси его, он и сам на это не ответит.

Просто словесный понос у парня, говорит, чтобы сказать что-то, а зачем... почему?
– только плечами пожать остаётся.

– Да-а омичи там победили... Из Омска. Вдвоём за тридцать восемь минут могилу вырыли...

Щеру, как-то не по себе стало, чего это он с утра... о могилах. Тьфу, придурок!
Веник – он Веник и есть... Но в голове у него что-то всё же осело.

Может быть, потому и вылетело у него, когда подошёл к этому мужику у магазина:
– Как думаешь, помру – нет?

Чё к чему сказал, Щер и сам не понял. Подошёл-то просто. Смотрит мужик стоит, о чём-то о своём думает. Как не подойти, глаз у Кольки настроенный, такого задумчивого на сотню-другую грех не попытаться развести.

Маску грязную – «рабочую» на нос натянул, а как эта фраза вырвалась?.. Хотя, конечно, Веник во всём виноват. Насмотрится всякой дури по ночам в интернете и лезет со своими разговорами по-соседски, участливыми... Одно слово – беспонтовый!

Впрочем, с мужиком этим в итоге неплохо получилось – в жизни всегда так, не везёт, не везёт, потом – бах! – и привалило. Вот и мужик взял и вынес ему пакет с продуктами. Щер-то уже думал, что ему здесь ничего не обломилось, денег-то мужик не дал, но – подвезло. И вроде бы, ничего особенного, но шпроты!.. Шпроты!

Почему-то именно к этим консервам, да ещё к кильке в томатном соусе, Щер питал особое внутреннее уважение. Однако, если килька, это было что-то такое походное, на скорую руку, допустим, когда на троих за углом, то шпроты – это совсем другое. Это что-то особенное, благородное, изысканное что ли.

Колька помнит, как его мать отцу под водочку всегда готовила бутерброды со шпротами: тонкий кусок ржаного хлеба, чуть-чуть намазанный сливочным маслом или майонезом, изящная рыбка-шпротина посередине, круглый кусочек маринованного огурца с краю, а сверху для украшения – венец изящества – листок петрушки.

Отец обыкновенно выпивал полную рюмку охлаждённой – только из морозилки – водки, смачно побрякивал выпив, и аппетитно, со знанием дела зажёвывал этим шедевром – в глазах Кольки – кулинарного искусства. После третьего бутерброда отец обычно затягивал зычно:

– На-а поле танки грохота-али! – Сосредоточено пел, и в голосе у бати появлялась какая-то жёсткая грохочущая танковая суровость, а взгляд твёрдо сосредотачивался как прицел в какой-то одной точке за пределами Колькиного понимания. – Са-алдаты шли в последний бой!

– А маладо-ова каманди-ира. – Подхватывала нежно и душевно мама. – Не-если с пра-абитой галаво-ой...

Колька слушал молча и восхищённо, представляя всю развёрнутую картину той танковой битвы. Здорово всё-таки когда батя живой был! Всё совершенно по-другому воспринималось, а после его смерти, как кто-то черту острым ножом по Колькиной жизни провёл, располовинил её. Теперь о той прошлой половинки жизни, Кольке можно только вспоминать, так вот неожиданно-нечаянно... Нет, шпроты – это, всё-таки, вещь! Спасибо мужику, уважил, так уважил.

Заначка, рублей триста, у Кольки всегда есть, на них он у чебуречников «шила» возьмёт, да прямо сейчас они с Веркой и оторвутся. Она-то дома теперь поди, снега сегодня немного, он-то видел, уже с утра она от магазина весь откидала.

Домой Щер зашёл как всегда шумно:

– Эй! Верка! Надька! Любка!..

Никто не откликнулся Кольке – ни Любовь, ни Вера, ни Надежда. Лишь на кухне одиноко сидел и грустно паялся в свой ноут Димка-ботан. Соотношение смертности и рождаемости у него ну никак не поддавалась никакому программному урегулированию, и он находился в состоянии глубокой растерянной прострации.

Глянув весело на отрешённого от всего Ботана, Колька грубо съязвил:

– Ну что, Ботан, грустный такой? Любка что ли не даёт?.. – И на всякий пожарный опасно оглянулся вокруг, нет ли где-то рядом самой Любки.

Нет, Любки не было, а Верка, полупроснувшись, лениво и сладко позёвывая вышла из комнаты.

– О-о... Коля-ан! Чего рано так?

– А ты, дрыхнешь? Не ждала что ли?

– Ты же знаешь, всегда тебя жду... – Верка, подошла от души потягиваясь всем телом, положила руки Щеру на плечи.

– Ну ладно, ладно... Не висни ты. – Нарочито строго пригрозил ей Колька. – Давай-ка вот лучше бутеры настругай, со шпротами.

– С какими-то это таки-ми шпро-отами? – Ещё не проснувшись, растягивая слова, удивлённо упёрлась в него взглядом Верка. – Нету у нас никаки-их таки-их шпро-отов.

– У вас нет, у нас есть! – Довольно ухмыльнулся Колька и протянул ей банку, а следом, к Веркиному большому изумлению, выложил из пакета на стол всё, чем угостил его этот добрый мужик. – С теми самыми, которые «За Родину!» – Слова «За Родину» Колька выделил особо торжественно. – Ты лучше вспоминай, огурец-то солёный у тебя есть?..

– Дык, найдём!.. – Оживилась Верка. – А у тебя небось и налить есть из чего?

– А то! – Колька вытащил из кармана пластиковую полторашку «шила», и уже обращаясь к Димке, спросил. – Ты то будешь а, Ботан?

– Чего? – Переспросил Димка, мысленно пребывая в своём, ну совсем не до Щера ему было. – А-а... Это. Не-е, не буду.

– Не хошь, как хошь. Была бы честь предложена. – Продолжал искренне куражиться Колька.

Только зря он так с Димкой, он и без того на Щера серьёзно обиделся. Не за себя, за Любу. Чего это он так по-хамски на неё намекает!

С одной стороны, Димка понимает, что с него, с Щера взять, кроме анализа... С другой – дурак-дураком, а туда же, чужие отношения обсуждать лезет. Что он в этом понимать может. Обиду Димка запомнил.

Мстительно подумал, вот сами-то они с Веркой напьются сейчас, совокупятся как похотливые животные – в этом Димка даже не сомневался – одно у них на уме... И всё, и довольны...

А у него с Любой всё по-другому. Как? Да, собственно, – никак. Да и Люба об этом его чувстве не знает ничего, не было и нет у них никаких отношений. Действительно, Димка влюблён в неё давно, но тайно, безответно и безнадежно. Впрочем, наверное, не так уж и тайно, раз этот придурок Щер заметил. Димка опять нахмурился, – идиот, лезет куда его вовсе не просят!

Он даже себе не мог объяснить откуда у него это, ну тянет его к Любе и всё. То он мысленно представлял её как женщину, в своих фантазиях нежно обнажал её, а потом любовался её правильными формами тела, руками, ногами... То близость её – мимо прошла – навеивала на Димку что-то тёплое, материнское, она-то просто на кухню заглянула зачем-то, коснулась его нечаянно рукой, легко – почти и не коснулась – а ему хорошо, как в детстве, когда мама погладит...

– Не буду. – мрачно повторил он Щеру, и ушёл в свою комнату, оставив им с Веркой территорию кухни.

– Опять в свой ноут на девок пялится пошёл... – усмехнулся Щер.

Зря! Зря, пожалуй, он это сказал. Была у Димки ещё одна тайная тайна. Начальник одной из контор – охранного агентства, как-то на Димкин день рождения подарил ему миниатюрную беспроводную веб-камеру, почти шпионскую. Её можно было просто прилепить с помощью специальной «присоски» – хоть к стене, хоть к потолку – в любом тайном месте. Димка устанавливал эту камеру незаметно от соседей то в общем коридоре,

то на кухне, записывал видео на свой ноут, потом смотрел. В душе не понимал он всех соседей, разумеется, кроме Любы: как живут? Зачем живут? С какой целью?..

А буквально дня два назад установил камеру в общей душевой. Вовсе не из каких-то чёрных намерений, просто так, машинально. Ну или очередь до этого помещения дошла... Никто из соседей ничего даже и не заподозрил. И надо же в первый же вечер на камеру записалось, как Люба в душе моется. Во уже два вечера подряд Димка включал эту запись и тайком любовался Любиным телом. Понимал, неправильно это, подленько, нехорошо, но ничего с собой поделаться не мог. Как бы оправдывал себя – не для всех ведь, только для себя...

Вот и сейчас, злой на этого придурка Щера, Димка хотел просмотреть запись с Любой, чтобы приглушить нахлынувшую обиду. Но как-то, само собой получилось, что пальцы независимо от его воли сами потянулись к кнопке на клавиатуре, и он включил камеру на запись.

И увидел... Щер и Верка, уже достаточно выпившие, действительно – кто бы сомневался! – похотливо совокуплялись в душевой.

– Вот так! – Димка мстительно ухмыльнулся, разные нехорошие мысли и искушения завертелись в голове. Когда всё самое интересное закончилось, и Щер с Веркой снова ушли на кухню, он с нескрываемым удовлетворением мстительно включил повтор записи, потом ещё раз... Снова и снова Димка смотрел на их непотребство. Животные! Точно – животные! И этот придурок-самец смеет ещё осуждать его чувство к Любе!..

Странные, противоречивые эмоции кипели в Димкиной груди. Взять и выложить всё в Ютуб, пусть вся сеть на них любитесь!.. Вот – вам!

Он злился на Щера с Веркой, тут же, словно сам себя по рукам бил, – отчаянно глушил в себе эти мысли, нет, конечно же, не опустится он до такой низменной мести, слишком большая честь для них!..

Совсем разнервничался и не заметил:

– Димон! А, Димон!.. Хлеб у тебя есть? А то у нас закончился. – Это Верка, как обычно, не церемонясь, без стука вошла к нему в комнату. – Оп-па-а... – У Верки челюсть отвисла. – Чегой-то это у тебя ту-ут?.. Кто-й это?..

Она застыла на пороге, прилипнув глазами к экрану Димкиного ноута. Видимо до неё не сразу дошло происходящее, но когда что-то всё же поняла, её как прорвало:

– Ах-ты, пакостник! Извращенец хренов!.. – И уже в коридор закричала взвизгивая. – Колян! Колян, подь сюда, глянь чего у этого малохольного!..

– Ну чего тут у вас? – Щер вразвалочку, лениво появился в дверях Димкиной комнаты. – Оп-па! – Челюсть у Кольки, похоже, тоже застыла в нижнем положении. – Ах ты сопляк! Сучонок! Да я... я тебя!..

На их громкие крики из своей комнаты появился заспанный Зёма:

– Чё орём? – Спросил, широко зевая.

– Ты глянь! Глянь, чего этот паразит удумал! – Разорвалась над Димкой Верка. – За нами в душе подглядывать!

– Мда... – Зёма озадачено почесал в затылке. – Дела-а...

Колька, негодуя сильно, сгрёб Димку и что есть сил швырнул на кровать:

– Выпорю, гада! – Проснулись в нём детские воспоминания, он резким движением выдернул из Димкиных штанов толстый кожаный ремень, и заголил ему спину. – Сейчас, сейчас... Кровью у меня реветь будешь!..

– Правильно. – Спокойно констатировал Зёма, зевнув, и как приговор огласил. – Выпороть паскудника!

Димка даже не сопротивлялся, когда Колька от души прикладывался ему ремнём то поперёк спины, то прямо по седалищу, он только сжался в комочек и жалостливо взвизгивал точно маленький нашкодивший щенок, которого хозяин наказывает, застав за непотребством.

Как раз во время экзекуции в секцию зашли Надежда со Славкой, видимо, она после работы встретила сына из школы:

– Э, честной народ! Чего, вы тут воюете? – Обратилась она ко всем сразу.

– Нет ты глянь! Ты только глянь!.. – Не переставала во весь «курятник» блажить Верка. – Чего этот засранец Димон тут удумал!..

Она включила запись.

– И чего? – Надежда глянула на экран ноутбука. – Ть-фу, гадость какая! – Не то про увиденное, не то про Димкин проступок сказала она. – Славка! Отвернись, не смотри туда! Выйди из комнаты!

– Больно надо было. – Под нос буркнул Славик, выходя в коридор.

– Это же он так нас может в интернете прославить... – Высказала своё тревожное предположение Надежда. – Надо всё немедленно уничтожить... Стереть... Кто знает, чего у этого малохольного ещё в голове?

– А вот сейчас и уничтожим! – Снова взъярился Щер, высоко над головой поднял ноутбук с явным намерением грохнуть его немедленно с размаху об пол. – Сейча-ас и уничтожим!..

– Вещь-то зачем портить? – Остановила его Надежда. – Так ведь и привлечь могут...

– Точно! Умная ты, Надька, баба. – Сообразил Щер. – Возьмёт и заяву накает. Ботан! Статья сто шестьдесят семь УК РФ... Штраф до сорока тысяч, либо до двух лет...

– Со-обра-зил наконец-то... – Надька осуждающе, укоризненно поглядела на Кольку.

– А чего делать-то тогда?

– Информацию надо стереть.

– А как? Ты умеешь?

– Сейчас Славку спросим.

Славка, стоявший в коридоре под дверью, не заставил себя ждать, он с готовностью присоединился к общему разговору:

– Файлы надо стереть. – Важно так сказал, видимо почувствовал некую свою значимость и необходимость.

– Какие, ты знаешь?

– Которые видео... С расширениями... этими... В общем, смотреть надо...

– Сейчас прям! – Возмутилась Надежда. – Гадость такую смотреть...

– Да вообще всё стереть! – Резанул Щер. – Чтобы вообще ничё не осталось!

– Чтобы уничтожить всю информацию на диске, нужно просто отформатировать диск. – Со знанием дела важно выдал Славка.

– Чего делать-то надо? – Нетерпеливо переспросил Щер.

– Отформатировать – отметить диск в меню и нажать, чтобы запустить форматирование. Там есть такая функция «форматировать диск».

– Давай, Славян, жми на кнопку. – Не то разрешил, не то приказал Щер.

Димка, лежавший всхлипывая всё это время на кровати, заорал дико, рванулся было к компьютеру, но Щер ловко перехватил его за шиворот и снова резко швырнул на кровать, успев пару раз садануть кулаком под ребро:

– Ша, Ботан! Лежать! Славян, жми, говорю кнопку!

Пока информация медленно, но неизбежно, затиралась на компьютерном диске, Димка, крепко удерживаемый Щером, ещё пару раз получивший от него по спине, лежал на кровати нервозно всхлипывая и истерично подёргиваясь, растирая по лицу слёзы, вперемешку с соплями. Он понимал, что они – эти, эти... прямо сейчас, одним нажатием кнопки – уничтожат раз и навсегда созданную им цивилизацию: пять лет труда, строительства, эксперименты, находки... – всё, всё летело в тар-тарары. Прощайте, глупые, смешные управляемые человечки, и простите, нет в этом его, Димкиной вины!.. Была цивилизация – и всё, нет цивилизации! И из-за кого? Из-за кого!.. Из-за каких-то

недоумков, которые мизинца Димкиного не стоят! Но он вынужден был лежать, плотно прижатый локтем Щера...

Люба вернулась домой к самой развязке всего произошедшего, как раз отформатировался последний сектор диска, и на экране ноутбука появилась надпись – «форматирование завершено». Она искренне сильно удивилась такому общему собранию соседей в коридоре у двери Димкиной комнаты:

– Чего это вы?

– Да вот, Димана высекли! – Как всегда первая бросилась объяснять Верка. – Он, поганец тут нас в душевой на видео записывал... Всю парнуху! Ну Щер ему и вломил!

В конце концов, видимо что-то всё же поняв из Веркиных не очень-то связанных объяснений, Люба просто и чётко констатировала:

– Дураки.

– А мы чё, мы ничё... – Примирительно пожал плечами Щер. – Ну поучили немного гада, чтоб за девками не подглядывал...

– Немного!? – Люба осторожно приподняла футболку у Димки на спине. – Гляди, всю спину парню исполосовал, идиот!

– Да ладно, мне от отца иногда и поболее прилетало. – Щер повернулся к Зёме. – Пойдём, Гантимурыч, лучше примем по сотке за здоровье раба божьего Димки-ботана...

– Идите уже отсюда, инквизиторы! – Серdito отмахнулась от них Люба.

Она осторожно подняла Димку за плечи, посадила его на кровать, он не переставал нервно всхлипывать и вытирать ладонями слёзы:

– Ну, ладно, ладно, дурачок... Пошли что ли, под-гля-ды-ва-тель... Раны тебе обработать нужно. У меня вроде перекись была... – И обращаясь уже к Надежде, спросила. – У тебя йод есть?

– Нету... Зелёнка – где-то...

– Давай, неси ко мне в комнату.

Пока Люба обрабатывала сильные кровоподтёки от ремня на Димкиной спине, он мужественно терпел, сжав зубы. Почему-то именно сейчас особенно постыдным, как представлялось Димке, было показать себя слабаком в глазах Любы.

А она, закончив обработку ран, ласково выговаривала ему, почти как мама в детстве:

– Ну, ладно... Ладно, успокойся. Посмотри, какая у тебя спина теперь зелёная, будто у лягушонка... Эх, ты, дурашка, тебе бы за девчонками-сверстницами подглядывать надо, а ты за взрослыми тётками... Нашёл за кем, эх, ты-и...

Где-то совсем рядом с его ухом слышалось её успокаивающее ласковое воркование, а откуда-то далеко из кухни приглушённо доносились полупьяные голоса других соседей по «курытнику»: Верки, Надежды, Зёмы... Они, там на кухне, оживлённо, правда уже более спокойно, продолжали обсуждать про меж собой случившееся. Наливали «шило», выпивали... И снова обсуждали.

А Димка как-то притих, уткнулся носом в мягкий халатик на Любиных коленках, обида и злость словно отпустили его, стали какими-то далёкими и неважными. И, уже совсем успокоенный, он сладко уснул...

5. Вместо эпилога. Десять лет спустя или двое из мира грёз

Казалось бы – всё, можно на этом и закончить. Однако, очень захотелось чего-то чистого и светлого, и как-то неожиданно сама по себе вспомнилась эта давняя история. Она вполне могла бы послужить и предисловием ко всему сказанному выше, ибо написана была действительно задолго – лет за пять – до этой угнетающей коронавирусной эпохи. И это не удивительно, ведь уже тогда было понятно в каком направлении катится этот мир...

Но пусть уж лучше будет она эпилогом. Всё рассказанное в ней вполне могло произойти и лет через десять после тех событий, о которых рассказано выше.

Оговоримся, что героем этого эпизода вполне мог стать и Димка, со временем повзрослевший и переселившийся, к примеру, в тёткину квартиру; и Славик, выросший, закончивший колледж, переехавший, скорее всего, из «курытника» в квартиру отца, которая досталась ему по наследству после смерти последнего... В принципе без разницы, так или так.

...Друзей у него, похоже, не осталось. Какие друзья в наше разрозненное время. С общением тоже не густо. Да и как можно общаться с кем-то в этом дискретном мире, разорванном пандемийной истерией на множество мелких мирков. Только экран монитора, который ярко светится в кромешной темноте, как окно в тот мир, который все ещё открыт для него.

Тем не менее, он, как и все вокруг, вынужден как-то выкручиваться, чтобы выживать. Списывается с заказчиками по интернету, берёт подработки, набирает какие-то глупые тексты, верстает совсем глупые книжки или рекламу. К примеру, недавно прислали заказ – унитаза, на фоне которого надпись «нужная комната». В слове «нужная» буква «у» перечёркнута и исправлена на «е». Тупо. В лоб. Без комментариев... Однако деньги нужны, а спорить с заказчиком – себе дороже. Заказчику что, он прислал «идею»: «Идея ясна. Оригинально, не правда ли?.. Осталось оформить, да штришки проработать. Ну, шрифт подберёшь, картинку... Сделаешь?»

Он соглашается, мысленно про себя кивает головой, и пишет ответ: «Да».

«Не обидим. За всё про всё сотня баксов. Годиться?»

Он опять кивает, и принимает заказ к сведению: «Через два дня вышлю варианты».

И рисует, рисует с каким-то мазохизмом эти варианты унитазов: вот их уже пять, шесть... десять... Вот они уже съели почти всю свободную память на диске... Все, больше сегодня этого не вынести!

Он отключает компьютер и ложиться спать. А что ещё можно делать, когда компьютер отключён. Этот мир, он давно уже перестал существовать для него, как что-то живое. Он превратился в какой-то машинальный неодоушевлённый поток времени: всё, что он ни делает в этом мире, он делает автоматически по какой-то упрямой инерции; мир не открывает для него ничего нового, просто приходится существовать и выживать в нём. Он давно не получал писем, не влюблялся, не радовался, даже с людьми общался только в силу крайней необходимости – по работе либо если нужно было спросить что-то жизненно важное, например: «Сколько вы заплатите за эту работу?» Всё остальное происходило само собой: выпить кофе, принять необходимое количество пищи, отдохнуть нужное количество времени, заработать на хлеб...

Вообще, в душе он, конечно, художник.

Но кому нужен художник в этом мире чистогана. Здесь все гораздо примитивнее и проще. Есть схема, где тон задают работодатели. Которые имеют деньги и производят в этом мире абсолютно всё. Если есть работодатели, значит, им нужна «рабочая сила». Этакая безликая масса. Ведь вглядываться каждому в лицо – себе в убыток. Поэтому, есть удобное классическое оправдание – это мой бизнес. А всё остальное, нужное для того, чтобы обеспечить реализацию этого бизнеса, в том числе и эта рабочая сила, продаётся и покупается. Спрос рождает цену, ну и так далее...

Сегодня цена достаточно невелика, поэтому «продаваться» приходится за гроши, почти даром. Но об этом лучше не думать... Выход один – жить иллюзией. То есть в том мире, где ещё нужны писатели, артисты, художники... Хотя, и само искусство – сегодня иллюзия, достаточно «дорогая», которую может позволить себе далеко не каждый... А уж создавать произведения искусства!.. – это почти то же самое, что производить воздух,

которым все дышат, но при этом никто не поймёт, если ему скажут – «а платить за это кто будет?..»

Именно поэтому, мир иллюзий – это своё независимое пространство, не имеющее ничего общего с реальностью. Порой, чтобы отрешиться от возникших проблем, полезно уйти в мир иллюзий. Конечно, существует большая опасность, что двери сработают в одну сторону, и тогда ты станешь добычей врачей-психиатров, предметом их пристального «заботливого» внимания и опеки. Но кто не рискует...

Хотя нет, пожалуй, шампанское в данном случае не уместно. Просто порой мы вынуждены рисковать, ибо нет другого выхода, проблем скапливается столько, что за ними не видно тебя, а потерять своё «я» страшно и нелепо, тогда и само существование твоё теряет всякий смысл.

Он постепенно засыпает... и снова экран.

Мир снов – это почти то же самое, что Интернет: ты так же просто и свободно перемещаешься в виртуальном пространстве, картины возникают одна за другой, меняются, то восторг, то ужас, то разочарование. А главное, совсем неожиданно. Здесь тоже живёшь, а не существуешь как в том реальном мире. Сравнить сны с телевизором – нелепо и неуместно. В телевизоре все задано и предсказуемо, здесь же...

Допустим, вчера он всю ночь пытался отыскать Еву. Девушку, с которой он познакомился в Интернете. Она тоже художник-дизайнер. Они переписываются уже порядка двух месяцев, но он до сих пор может только предполагать, как она выглядит. Конечно, красивая, конечно, с роскошными рыжими волосами, конечно, зелёные глаза, умные и добрые, немного с лукавинкой. Она так красиво улыбается... Он отчётливо представлял себе эту улыбку, детскую и одновременно заботливую, немного материнскую, наивную и слегка капризную. Но даже эта капризность, казалось ему настолько милой, что он с лёгкостью прощал её Еве.

«Сегодня перечитал Блоковскую «Незнакомку». Про тебя писано». – Это он.

«Знаешь, я не очень люблю бывать в ресторанах. И не настолько туманна, и загадочна. Скорее, наоборот, скучна и чаще печальна... А ты просто – мечтатель, и склонен все идеализировать».

Конечно, она лукавила, но он прощал ей это невинное жеманство. В конце концов, каждый видит то, что он хочет видеть.

Но сегодня сон «не в душу». Видимо, он просто сильно переработал. Какой-то огромный жуткий унитаз тянется к нему толстыми мясистыми фаянсовыми губами, поцеловать хочет. Вот он все ближе, ближе... И вдруг кто-то невидимый за кадром сдёргивает воду и... он с ужасом просыпается. Время – шесть утра. Странно, ему казалось, что проспал он совсем недолго. Что ж, можно и в Интернет войти, может быть, и Ева уже там. Входит по очереди в WhatsApp, Viber, Telegram...

Ему сегодня везёт, Ева, действительно, уже на связи в одном из мессенджеров.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Не спишь.

– Работаю.

– Я тоже.

– Надое-ело.

– И мне. Знаешь, у меня кофе закончилось, сейчас пойду, прогуляюсь до ежесуточного.

– Я бы тоже прогулялась...

– А ты где живёшь?

– У остановки...

– Здóрово, и я тоже рядом. Может, встретимся у ежесуточного киоска рядом с остановкой...

- Может...
- Давай!
- Давай.

Едва светает. Слегка прохладно. Ни прохожих, ни машин. Тихое утро. Не туманное, не седое, именно – тихое и безмятежное.

Он, чуть ёжась, выходит из дома в сторону киоска. Нужно обогнуть угол дома, и сразу за углом остановка и киоск.

Он огибает угол. Вот киоск. Возле него стоит невысокая худенькая девочка в очках. Его соседка. И наивно, по-детски улыбается.